

НАУЧНЫЙ ФОРУМ: ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Сборник статей по материалам VII международной заочной
научно-практической конференции*

№ 5 (7)
Июль 2017 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2017

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Воробьева Татьяна Алексеевна – канд. филол. наук, доц. кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета, Россия, г. Череповец;

Назаров Иван Александрович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Государственного Бюджетного Учреждения Культуры г. Москвы, "Музей М.А. Булгакова", Россия, г. Москва.

НЗ4 Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам VII междунар. заочной науч.-практ. конф. – № 5 (7). – М.: Изд. «МЦНО», 2017. – 64 с.

ISSN 2542-1271

Сборник входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLIBRARY.RU.

ISSN 2542-1271

ББК 71+80+85

© «МЦНО», 2017

Оглавление	
Раздел 1. Культурология	5
1.1. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов	5
О НЕОБХОДИМОСТИ СПАСЕНИЯ АРХИВА ВЫДАЮЩЕГОСЯ АРХЕОЛОГА И ЭТНОГРАФА Е.Г. ПЧЕЛИНОЙ (1895-1972) Дадянова Тамара Владимировна	5
1.2. Теория и история культуры	17
ИНФОГРАФИКА КАК СРЕДСТВО ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА Габова Мария Владимировна	17
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ МИРОВ В МЕДИАКУЛЬТУРЕ Трубникова Екатерина Георгиевна	21
Раздел 2. Литературоведение	29
2.1. Русская литература	29
ЧЕРТЫ РОМАНТИЗМА В ПРОЗЕ Н. ГУМИЛЕВА Игонина Светлана Викторовна	29
Раздел 3. Языкознание	34
3.1. Германские языки	34
ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И СТРУКТУРЫ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ МАКРОТОПОНИМОВ Кузякин Александр Сергеевич	34
3.2. Романские языки	44
ОСОБЕННОСТИ АНАФОРИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ Фатхулова Дина Раулевна Филипович Наталья Владимировна	44

3.3. Русский язык	49
СКАЗУЕМЫЕ-РЕАКЦИИ ПРИ ПОДЛЕЖАЩИХ- СТИМУЛАХ ДЕРЕВО/ДЕРЕВЬЯ/ДВА ДЕРЕВА Букаренко Светлана Григорьевна	49
3.4. Славянские языки	55
ТРАКТОВКА ТЕРМИНА «САКРАЛЬНОЕ» В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ УЧЁНЫХ Лебедева Надежда Анатольевна	55
3.5. Теория языка	59
ОБРАЗЫ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НОСИТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ Лупанова Екатерина Вячеславовна	59

РАЗДЕЛ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

О НЕОБХОДИМОСТИ СПАСЕНИЯ АРХИВА ВЫДАЮЩЕГОСЯ АРХЕОЛОГА И ЭТНОГРАФА Е.Г. ПЧЕЛИНОЙ (1895-1972)

Дадианова Тамара Владимировна

д-р филос. наук, ст. науч. сотр.

*Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны,
член союза журналистов России,
РФ, г. Ярославль,*

ON THE NEED TO SAVE THE ARCHIVES OF AN OUTSTANDING ARCHAEOLOGIST AND ETHNOGRAPHER E.G. PCHELINA (1895-1972)

Tamara Dadianova

*doctor of philosophical Sciences, senior researcher,
Yaroslavl higher military school of air defence,
member of the Union of journalists of Russia,
Russia, Yaroslavl*

Аннотация. 45 лет архив выдающегося этнографа и археолога Е.Г. Пчелиной недоступен для исследования. Он закрыт, не обработан и находится в очень плохом состоянии. Культуролог Т.В. Дадианова пытается привлечь ученых и общественность для введения трудов Евгении Георгиевны в научный оборот.

Abstract. For 45 years the archive of the outstanding ethnographer and archaeologist E. G. Pchelina is not available for research. It is not processed and is in a very bad. Culturologist T. V. Dadianova is trying to attract scientists and the public to introduce the works of Eugenia Georgievna into scientific circulation.

Ключевые слова: Архив РАН в Санкт-Петербурге; дворяне Бенедиктович; Е.Г. Пчелина; мorganатический муж матери Николая II; дочери поэта А.Г. Чавчавадзе; министр А.П. Николаи; Мария (Мака) Николаи-Шервашидзе; археолог В.А. Кузнецов; этнограф Б.А. Калоев; церковь в селе Нузал РСО-Алании; «черные копатели».

Keywords: Archives of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg; the noblemen Benediktovich; E.G. Pchelina; the morganatic husband of the mother of Nicholas II; the daughter of the poet A.G. Chavchavadze; the Minister A.P. Nikolay; Maria (Maka) Nikolai-Shervashidze; the archeologist V.A. Kuznetsov; ethnographer B.A. Kaloyev; a church in the village of Nuzal of North Ossetia-Alania; "black diggers".

В этом, 2017 году, исполняется 45 лет со дня смерти выдающегося советского этнографа и археолога Е.Г. Пчелиной (1895–1972). Евгения Петровна обладала широким кругозором, знала много языков, имела глубокие знания в области средневековой истории. С особым уважением относятся к ней ученые Осетии, так как она была не только теоретиком, но и уникальным практиком, пройдя пешком по узеньким горным тропинкам Осетии, занималась не только раскопками, но и скрупулезно изучала культуру, быт и нравы осетин. В осетинском кавказоведении по уровню ей не было и нет равных. В первой трети XX века сбор археологического материала осуществлялся спонтанно. Нередко артефакты расхищались «черными копателями» и продавались за рубеж. Раскопанное ею документировалось и передавалось в музеи. Замечательно, что извлеченные из земли уникальные предметы, найденные в северо-осетинском селе Камунта, были переданы в Эрмитаж, где они хранятся до сих пор. В 2016 году летом я и моя помощница М.М. Руденко убедились в этом воочию. Чего нельзя сказать о некоторых артефактах, например, золотых серьгах, найденных в могильнике Е.Г. Пчелиной в СОАССР и пропавших в Северо-Осетинском музее краеведения в конце 80-х годов. (Другая часть ранее случайно найденного местными жителями в катакомбном могильнике у села Камунта в Дигории в конце XIX века, Слава Богу, не ушла за границу, а попала в коллекцию К.И. Ольшевского и сейчас пребывает в Государственном Историческом музее). Актуальность работ Е.Г. Пчелиной

возрастает в связи с празднованием 1100-летия принятия Аланией христианства. В этом аспекте особенно ценными являются ее работы, посвященные святилищу Реком и средневековой часовни в селе Нузал. Сейчас это уникальное сооружение находится под эгидой международной организации, патронирующей мировые шедевры культуры – ЮНЕСКО. Лето 2016 года я полностью посвятила разысканию архива Е.Г. Пчелиной, который она лично передала в ленинградское отделение Архива РАН. Наняв машину, сама отвезла его, понимая, что бесценный материал, накопленный ею, послужит не одному поколению учёных. До сего времени вызывает огромный интерес её доклад «Нартовский (богатырский) эпос в памятниках Северо-Осетинских могильников», который она прочла на 175-летию Эрмитажа в 1940 году. Уровень профессиональной оснащённости Е.Г. высок. Она знала несколько языков. Изучила и осетинский, осознавая, что быт и культуру невозможно изучить без знания языка. В силу того, что родилась в 1895 году в Западной Грузии – Кутаиси и воспитывалась в кавказской среде, она прекрасно знала культуру, историю Грузии. Владела грузинским языком, потом его даже преподавала, обучая желающих в Москве. Окончила в 1914 году в Тифлисе женскую гимназию. Потом последовала учеба в Москве в Археологическом институте и успешное ее завершение в 1916 г. с золотой медалью. Диплом был посвящен проблеме «Влияние армяно-грузинского архитектурного стиля на домонгольское зодчество Руси». Время было трудное, сложное. Архитектура была не актуальна. В 1917 году поступила на юридический факультет МГУ и завершила учебу в 1921 году. Но и юриспруденция была не в чести в эти годы. Бушевали гражданская война, голод. Пришлось вернуться в Тифлис и поступить на экономический факультет Политехнического института. К этому времени она успела сняться в кино, так как была красива, фотогенична, статна, не просто хорошо двигалась, а владела искусством верховой езды – джигитовкой, изящно танцевала. Съёмки проходили в Грузии и Москве. На кинематографическую стезю привёл её первый муж. Будучи военным, он снимался в батальных сценах. (К сожалению, погиб в 1916 году).

В ней бурлила кровь грузино-абхазская и польско-русская вкупе с еврейской. Её биологическим отцом был потомственный дворянин Георгий Семенович Бенедиктович (родился 25 ноября 1854 года). 28 ноября 1875 года было выдано его родителям свидетельство о том, что Ковенское дворянское депутатское собрание постановило о сопричислении его к признанному в древнем потомственном дворянском достоинстве. Что было внесено в шестую часть дворянской родословной книги Бенедиктовичей и утверждено определением

Правительствующего Сената. Ее дед – Семен принадлежал Савицкой ветви Бенедиктовичей. С 1858 года находился на службе в Тифлисе, был губернским секретарем. У него кроме Георгия еще были дети: Александр Семенович (крещен 17 марта 1864 года в Ахалцихском крепостном Успенском соборе). Потом служил в Кутаисской казенной палате Кутаисского казначейства. (1906 г.) Илья Семенович крещен 3 августа 1866 года в том же храме, что Александр в Ахалцихе. Дочь – Вера Семеновна, рожденная 13.09.1856 года и проживавшая долго в Тифлисе. Лев Семенович крещен 18.01.1859 года в Александроневской церкви Тифлисского военного госпиталя. 23 февраля 1871 г. был принят на казенный счет в бывшую военную школу. Я специально остановилась на перечислении близких родственников отца Е.Г. Пчелиной, чтобы читателям понятно было, что ее близкие родственники хорошо знали грузинский и армянский языки. Ахалцихе – город Грузии, где основное население – армяне. Да и в Тифлисе, главном городе Грузии, до революции армян было больше, чем грузин. Теперь понятен интерес Евгении Георгиевны к архитектуре, где армяно-грузинские компоненты стали объектом ее исследования, отражены в ее дипломной работе о домонгольском зодчестве Руси, и довольно компетентно. Другая дипломная работа во время обучения в тифлисском Политехническом институте была посвящена теме «Армянский Нахичеванский судебник XVIII века».

Но вернемся к ее биологическому отцу – Георгию Семеновичу Бенедиктовичу. Он трудился в судебной палате, а точнее, в межевых учреждениях Закавказского края. В 1906 году было зафиксировано, что он являлся старшим землемером для исполнения обязанностей помощника заведующего межевыми округами: в том числе Елизаветпольского (ныне территория Азербайджана, а тогда – юг Тифлисской губернии). Как и его брат Лев в детстве обучался за казенный счет в тифлисской Военной начальной школе. Пятерых детей нелегко было прокормить и воспитать деду Евгении Георгиевны. С 1858 года он находился на службе в Тифлисе, затем в Ахалцихском военном госпитале бухгалтером. Этим объясняется многогранность интересов Е.Г. Пчелиной.

Жена Георгия Семеновича, ставшего уже к 1910 году титулярным советником, – Марфа Георгиевна не могла иметь детей. Согласно семейной легенде, своим появлением Евгения обязана связи её отца с дочерью Софьи Александровны Николаи (урождённой Чавчавадзе). Биологическая мать Е.Г. Пчелиной – баронесса Мария Александровна Николаи – внучка известного грузинского поэта и генерал-лейтенанта русской армии – А.Г. Чавчавадзе (1786-1848), племянница Нины Чавчавадзе (Грибоедовой), племянница правительницы Мегрелии

Е.А. Дадияни, впоследствии статс-дамы царского двора (титул пожалован Николаем I в 1856 г.). По другой линии, Евгения Георгиевна приходилась внучкой барону А.П. Николаи – министру народного образования.

Следует сказать, что Георгий Дмитриевич Шервашидзе (1847–1918) – потомок (правнук) легендарного владельца Абхазии Келешбея (убит в 1808 году). Он рано осиротел. Его мать Екатерина Левановна Дадияни (1820–1849) – родственница клана Чавчавадзе. Его воспитал Кутаисский губернатор Н.П. Колубакин. Георгий в 18 лет поступил в Московский университет. После окончания в 1869 году был в должности титулярного советника и чиновника особых поручений при начальнике главного управления Кавказского наместничества. В 1879 г. женился на дочери остзейского барона А.П. Николаи (1821–1899) – министра народного просвещения (недолго), а потом – педантичного Председателя департамента законов Госсовета. Имел имение в Лачино Тифлисской губернии. Очень любил дочь Марию (Маку).

С 1883 года Г.Д. Шервашидзе – вице-губернатор, с 1889 -1897 г. губернатор Тифлиса. Имел звание камергера и чин действительного статского советника. С ноября 1899 года состоял при императрице Марии Федоровне (1847–1928) - матери Николая II – в должности обер-гофмейстера (заведующего двором императрицы). С 1905–1913 – заведующий ее канцелярией. В 1907 году он официально развелся со своей женой – М.А. Николаи-Шервашидзе. Г.Д. Шервашидзе стал гражданским мужем вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Они были одногодками – 1847 года рождения. После отречения Николая II от престола, М.Ф. Романова со своим морганатическим мужем Георгием Дмитриевичем пытались возвести на российский престол сына последнего – Дмитрия Георгиевича (1880-1937), матью которого являлась Мария Николаи-Шервашидзе. Но эти попытки не увенчались успехом, так как Георгий Дмитриевич был арестован в Ялте и погиб. Мария Федоровна – мать Николая II спаслась на корабле, прибытия которого добивался Г.Д. Шервашидзе. Дмитрия в 20-е годы большевики выслали в Иркутск.

Теперь Вам, уважаемый читатель, будет понятна ненависть Л.П. Берии, который пытался 4 раза арестовывать Е.Г. Пчелину (девичья фамилия Бенедиктович, а мать – баронесса М.А. Шервашидзе-Николаи). Буквально недавно вышла в свет книга Игоря Оболенского «Мемуары фрейлины императрицы», повествующая о близкой родственнице Е.Г. Пчелиной – баронессе Бабо Мейендорф, урождённой Шарвашидзе, по первому мужу, – Дадияни. (Имеются в Интернете). Охватывает ужас, через какие круги ада пришлось ей пройти и близким родственникам, а некоторым и не удалось!

Становится понятным стремление Е.Г. Бенедиктович в 1927 году срочно уехать на Кавказ в экспедицию, подальше от глаз новой власти. Деньги, причитающиеся для найма рабочих, делила на части, дабы их не похитили и ее не убили. Как рассказывал 18 августа 2016 года мне эти факты ее внук Н. Г. Пчелин – ныне старший научный сотрудник Эрмитажа: «Доставка денег и оплата рабочих на раскопках – хлопотливое и *очень опасное дело*».

Евгения Георгиевна отправилась на Северный Кавказ, в частности, в Осетию, не только потому, что опасалась за свою жизнь, но по причине наличия множества архитектурных памятников и старинных катакомбных могильных захоронений, которые разграблялись «черными копателями», такими как Хабош Кануков, Адиге Атаев, Татархан Безинов, Гада Булатов, Билагор Балаев, Дзарахмет и Мурзабек Дзаукаевы. (Щуцьев А.А. Из истории становления Черной археологии на Северном Кавказе). Особенно большой вред нанес молодой писарь из села Камунта И.Б. Дзилихов, с которым беседовал в 1880 году этнограф В.Ф. Миллер.

Сейчас, с 9 июня 2017 года, в РСО-Алании в Музее истории Владикавказа проходит выставка фотографа-любителя, землемера по образованию, участника Комиссии, разрешающий земельные споры горцев, – К.И. Щебровского (1871-1922?). Он был сыном поляка, военного врача Иосифа Адамовича, служившего во Владикавказе. Константин Иосифович закончил в Тифлисе землемерное училище. С 1896 года стал работать сначала младшим, а потом старшим землемером в Терской областной чертежной – землемерном ведомстве. С 1906-1908 годы принимал активное участие в комиссии, занимавшейся решением спорных земельных вопросов среди горцев. После революции работал в Земельном отделе при Владгорисполкоме, а затем – в Межевом ведомстве Горской республики. (Коллекция его фотоснимков хранится в фондах Российского Этнографического музея и частных коллекциях). По моей версии, Щебровские и Бенедиктовичи были знакомы. Г.С. Бенедиктович и К.И. Щебровский были связаны профессиональными узами: они знали по долгу службы о могильных склепах, фамильных башнях, «черных копателях». Поэтому так плодотворно было сделано Е.Г. Пчелиной то, что она привнесла в этнографию и археологию Северной и Южной Осетии. Как пишет талантливейший осетинский этнограф Б. Калоев: «Из 77 прожитых ею лет, 53 года отданы изучению Кавказа, главным образом – Осетии. **Целая плеяда этнографов и археологов вскормлена напутствием и наследием Е.Г. Пчелиной.** Самыми благодарными оказались: В.А. Кузнецов, В.П. Любин, Б.А. Калоев. Они неоднократно ссылались на плодотворную значимость её находок

и трудов. Е.Г. была и блистательным историком. Отчасти сказалось влияние второго мужа - Николая Николаевича Пчелина (1888-1938) – талантливого и смелого историка. Они познакомились в Москве и поженились в 1924 году. До сего времени вызывает интерес его работа «Екатерининская комиссия проекта Нового уложения» и современное ей русское законодательство» М.: Печ. А. Снегирёвой, 1915). Глубокое исследование петровской эпохи способствовало его гибели. Труд Н.Н. Пчелина, посвященный силе и праву в правлении Петра I, оказался не ко времени. Итог – арест и смерть. Хорошо, что у них родился сын Георгий Николаевич Пчелин (1925-1989), в дальнейшем отец Николая (1958 г. р.) и Михаила (1965 г. р.), работающих ныне в Эрмитаже, откуда, кстати сказать, ушла она на пенсию и где работала в отделе востоковедения её невестка – мать внуков Евгении Георгиевны. Многие археологи Осетии уже по второму или третьему разу работают в тех местах, где трудилась Е.Г. Пчелина, и до сих пор кое-что находят, в частности, археологи Э.Ю. Шестопалова, Р.Ф. Фидаров, Р.Г. Дзаттиаты. Ученые: В.Х. Тменов, Л.А. Чибиров, Ф.Х. Гутнов, Р.Х. Гаглоев возвращены наследием Евгении Георгиевны, но они не торопятся спасти архив Пчелиной, который загрибкован, находится в неподобающем месте в Коломягах – на окраине Санкт-Петербурга. Некоторые учёные-осетиноведы сфотографировали части архива, как сделал это, например, В.Х. Тменов. «Этот парень переснял часть архива Евгении Георгиевны, когда писал свою диссертацию по башням», – сказал мне Николай Георгиевич, когда я брала у него интервью в служебном помещении Эрмитажа в середине августа 2016 года. Отчасти, может быть, это имеет резон: материала хватит не одному человеку для диссертации. Да и пчелинское наследие одному не одолеть. Я интервьюировала в августе 2016 года нескольких сотрудников СПб-го филиала Архива РАН, и они подтвердили его загрибкованность и неразобранность. Б. А. Калоев (1916-2006) в статье «Е.Г. Пчелина – учёный-кавказовед» отметил, что беспрепятственный подход к наследию и способствовал разворовыванию научных трудов Е.Г. Пчелиной. Он в 1975 году работал с ним и видел материалы, занимавшие довольно большое помещение. **«В этот период архив, не имевший описи, по существу был открыт для разворовывания любителями чужого труда. Спасти архив исследовательницы может только научная общественность Осетии, прежде всего недавно созданный научный центр РАН в Северной Осетии–Алании, призванный оберегать все культурные ценности народа ... В целом, что успела она сказать несомненно составляет золотой фонд осетиноведения».** (С. 100, упомянутой выше работы, выделена мной – Т.Д.). Вспоминаю последнюю встречу с Б.А. Калоевым –

этнографом и совестливым ученым в Аланском подворье в Москве на Кулишках. Встреча была организована прежним настоятелем храма Рождества Богородицы Станиславом (Шаурмагом) Баззате осенью 2006 года. С каким трепетом он говорил об осетинах, осетинской культуре. Борис Александрович плохо чувствовал себя, но говорил горячо, хотя в ремонтируемом храме было холодно. Я снимала его на фотоаппарат с прихожанами. Там были и осетины из Ярославского Центра аланской культуры, который я создала 15 лет назад. Его завету стараюсь следовать. Протежирую широкой аудитории аланку, Владимирскую княгиню Марию-Ясыню, больше известную как бабушку А. Невского; икону Богоматерь с Предвечным младенцем (ныне называется Толгская), вывезенную из Алянии в 1278 году. Теперь моя задача - предотвратить распространение загрибкованности наследия Е.Г.Пчелиной и ввести его в научный оборот, чтобы сотрудники Санкт-Петербургского филиала Архива РАН описали его содержимое. В общем, надо его спасать! 11 августа 2016 года я обратилась с письмом к директору Архива в СПб И.В. Тункиной с письмом. До этого опросила несколько его работников. Наконец, последовал ответ (привожу текст с сокращением).

*Уважаемая Тамара Владимировна,
прочитала Ваше письмо и благодарю Вас за интерес к фонду Пчелиной... Научно-техническая обработка (НТО) фонда такого масштаба и сложности (28 метров), на языках многих народов Кавказа, займет несколько лет. Академический архив не комплектуется фондами учреждений и личными фондами ученых с 1950 года – в архивохранилищах давно нет места, территориально архив разбросан по 7 зданиям и помещениям в разных концах Петербурга. Штат архива сократился с тех пор в несколько раз, в отделе обработки фондов под руководством М.В. Мандрик работает 5 человек. Ученый совет утверждает перспективный план НТО фондов (необработанными остаются разряды и личные фонды еще 1920-х–1930-х гг. поступления!). Когда я стала директором в 2001 г., понимая значимость фонда Е.Г. Пчелиной, сотрудничавшей с А.М. Тальгренем, я разослала письма в представительства осетинской диаспоры по всей стране в надежде найти финансирование на эту работу... 20 метров россыпи только одних фотографий!!!, 8 метров россыпи научных трудов и переписки. Из массива получилось 9 описей, вторая опись (Материалы к научным трудам) до сих пор не принята на государственное хранение! (С 1978 г.). Это чтобы Вы понимали сложность работы обработчика.*

Ни одно из моих писем, направленных Т.К. Боллоеву (пивоваренная компания Балтика), правительству Алании и т. д. и т. п. (с приложением сметы расходов на один год в соответствии с прайсом АРАН, но не 14 миллионов, а в сотни раз меньше) не было удостоено даже ответа. Я писала и директору ГЭ М.Б. Пиотровскому с просьбой объединить усилия — вся полевая документация по ее раскопкам хранится в архиве, а в Эрмитаже - артефакты из ее экспедиций, но для описания фонда нужен специалист по археологии Кавказа. Таким образом, мы пытаемся выйти из замкнутого круга - из-за отсутствия штата и специалистов даже приступить к НТО фонда мы не можем - все документы необходимо пропустить через установку токов высокой частоты или продезинфицировать тимолом, чем сейчас и занимается М.В. Мандрик с частью фонда. Так что если Вы в состоянии найти энтузиаста в Петербурге, готового приступить к НТО хотя бы части фонда, и способствовать получению дополнительного финансирования в каких-то бизнес-структурах Северной Осетии-Алании, чтобы мы могли взять такого человека и оформить по договору подряда, мы будем искренне признательны. (Подчёркнуто мной – Т.Д.). В 2018 г. СПбФ АРАН должен переехать в новое здание площадью 20 тыс. кв. м., строительство которого включено в Федеральную адресную инвестиционную программу. Надеюсь, там будет соответствующее оборудование для дезинфекции и реставрации документов, так что фонд Пчелиной не погибнет, со временем будет описан и доступен исследователям.

Последовал ответ Мандрик (привожу в сокращении – Т.Д.).

Уважаемая Тамара Владимировна! К Вам обращается зав. отд. обработки фондов СПб филиала Архива РАН, Мария Вячеславовна Мандрик. Я очень рада, что Вы проявили инициативу и пытаетесь сдвинуть с мертвой точки обработку фонда Е.Г. Пчелиной. Я сама собиралась заняться поиском желающих поучаствовать в НТО этого фонда... В прошлом году мы перевезли часть фонда Е.Г. Пчелиной в помещение для обработки и по составу документов могу сказать, что без помощи специалистов в кавказских языках нам не обойтись. Если у Вас есть желающие участвовать в обработке – архив это будет только приветствовать. К сожалению, архив не имеет возможности оплачивать работу консультантов, а иногородним консультантам сложно приезжать за свой счет, как и работающим сотрудникам МАЭ и Гос. Эрмитажа работать на второй работе бесплатно. В данном случае, могу предложить попробовать получить грант под обработку научных трудов Е.Г. Пчелиной – это очень сильно поможет сдвинуть работу и стимулирует консультантов.

Если Вы можете подобрать команду специалистов-консультантов, имеющих возможность работать над фондом в стенах архива, мы будем Вам очень благодарны. Возможно, данный проект заинтересовал бы представителей Владикавказского научного центра Российской академии наук, я как раз хотела туда обратиться за помощью.

Жду Вашего ответа. С уважением, М.В. Мандрик. Отдел обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов СПФ АРАН +7(812) 323-67-64.

После этого я обратилась к директору Научного центра во Владикавказе – доктору физико-математических наук, профессору А.Г. Кусраеву 27.09.16.

Уважаемый Анатолий Георгиевич, 24 сентября отправила Вам e-mail своё письмо о проделанной работе по консолидации сил для разбора архива талантливого археолога, антрополога, этнографа Е.Г. Пчелиной и предложением получения гранта или проведения других культурогенных акций, чтобы пчелинское наследие служило людям.

***Жду Ваших креативных предложений в эдакой ситуации.** 26 сентября получила два письма с подробным ответом на мои вопросы из дирекции СПб-го филиала Архива. В основном, идут упования на их бедность, малое количество людей в отделе научно-технической обработки. Если Вас интересует их содержание, могу переслать.*

*Посылаю своё фото, сделанное 28 августа 2016 года в горах Осетии, где проводила раскопки Е. Г. Пчелина. **Обратите внимание на топонимы.***

Но физик-математик, руководитель Владикавказского Научного центра РАН профессор А.Г. Кусраев обращение к нему культуролога Т.В. Дадиановой проигнорировал. А зря, много историков-осетин обязаны Е.Г. Пчелиной!

Проштудировав еще раз летом 2016 года статью Б.А. Калоева «Е.Г. Пчелина - ученый-кавказовед», узрела строку, на которую раньше не обращала внимания раньше: «Много сил и времени Е.Г. Пчелина отдала музейной работе... С 1919 года по 1920 была хранителем отдела археологии и нумизматики Ярославского исторического музея». Я занялась поиском информации о ней и музее. Сразу скажу, что музея не нашла, но нашла ее рукопись по методике музейного дела.

Работа на 21 листе не была подписана, но благо, что в 2013 году во Владикавказе вышла книга с ее избранными трудами по истории, этнографии и археологии осетинского народа. Спасибо В.А. Кузнецову – известному историку, специалисту-археологу по Северному Кавказу,

лично знавшему Евгению Георгиевну, предоставившему для издания книги ее письма, адресованные ему. Благодаря помещенным в конце книги фотографиям рукописи, я смогла идентифицировать её почерк, найденный мною анонимной работы. «Планы археологических экскурсий по территории Ярославской губернии на весну-лето 1920 года», мною установлено, написаны рукой Е.Г. Пчелиной. Анализ всех будет сделан мною в другой статье. Но это уже другая история, тогда Евгению Георгиевны было 25 лет ...

В заключение статьи предлагаю в ознаменование её больших заслуг в области археологии и этнографии Кавказа, а особенно Осетии, на доме № 40 по улице Л. Толстого в городе Владикавказе, где она проживала в 1926-27, 29, 36, 55-56, 63 годах установить мемориальную доску. Информацию о её пребывании по этому адресу предоставила мне Л.Р. Габоева – директор Республиканского Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры «Наследие Алании», спасибо ей. По моей просьбе осетинский краевед Олег Кудзиев сфотографировал этот дом, где в квартирах № 6, № 89 в городе Владикавказ, ул. Льва Толстого, дом № 40, периодически проживала Е.Г. Бенедиктович-Пчелина.

Р/С. По поводу судьбы пчелинского архива и поиска средств финансирования для его разбора, научной атрибутации ничего не остаётся, как только обратиться к нынешнему Президенту РСО-Алании В.З. Битарову. (Летом 2016 года он был занят своей предвыборной кампанией, поэтому я его не беспокоила). Но разве, что ещё воззвать к выдающемуся музыканту В.А. Гергиеву, тем паче, что он осетин, и в его любимом СПб гибнет наследие этнографа-осетиноведа и археолога Евгения Георгиевны Пчелиной?!

Список литературы:

1. В Северной Осетии – золотая лихорадка. – Комсомольская правда, 2006, 10 августа.
2. Во Владикавказе похитили аналог Фестского диска. – Комсомольская правда, 2006, 22 сент. Серный Кавказ. /Археолог, доктор исторических наук, профессор Кузнецов В.А.: «Я понял, во Владикавказе существует мафия, которая работает на международный рынок».
3. Гутнов Ф. Жизнь, отданная кавказоведению. – Северная Осетия, 2012, 12 июля.
4. Е.Г. Пчелина. Ossetica. Владикавказ: Золотое сечение, 2013. 328 с.
5. Калоев Б.А. Е.Г. Пчелина – ученый кавказовед. ЭО, 2004 год, № 3, С. 98-110.

6. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. – М.: АН СССР, 1962.
7. Куссаева С.С. Некоторые итоги археологических раскопок в станице Змейской. – СОНИИ, XVII.Орджоникидзе, 1956.
8. Лакоба С.З. Абхазский князь на Российском престоле? / abkhazworld.com.
9. Оболенский Игорь. Мемуары фрейлины императрицы. – М., 2015.
10. Пчелина Е.Г. Урсдонское ущелье в Северной Осетии. С. 133-154. / Труды отдела истории культуры и искусства Востока. Том IV. // – Л.: 1947. 504 с.
11. Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1996. – 437 с., илл.
12. Тменов В.Х. Традиционное каменное творчество средневековой Алании: археологический аспект. Автореферат ... доктора исторических наук. Специальность 07. 00. 06. М., 1994. 43 с.
13. ЦГА РСО – Алания, ф. 12, оп 2., дела 303, 422, 579.
14. Цуциев А.А. Проблема незаконных раскопок и торговли кавказскими археологическими древностями // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 21-25 апреля 2008 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ, 2008.
15. Шестопалова Э.Ю. Альбом к отчёту о раскопках Архонского катакомбного могильника в Алагирском районе РСО-Алании в 1997 г. // Архив ИА РАН. 1997. Р-1. № 22131.

1.2. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ИНФОГРАФИКА КАК СРЕДСТВО ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Габова Мария Владимировна

аспирант

РФ, г. Сыктывкар

INFOGRAPHICS AS A MEANS OF VISUAL COMMUNICATION OF MODERN SOCIETY

Maria Gabova

graduate student

Russia, Syktyvkar

Аннотация. В статье рассматривается такой вид визуальной коммуникации как Инфографика. Дается четкая характеристика этому понятию, анализируются виды, принципы и основные ее черты. Дается оценка Инфографики в системе Визуальной культуры.

Annotation. The article considers such kind of visual communication as Infographics. A clear description of this concept is given, species, principles and its main features are analyzed. Infographics in the Visual Culture system are evaluated.

Ключевые слова: Инфографика, Инфодизайн, Дизайн, Дизайн рекламы, визуальная культура, визуальный код, маркетинг, социокультурное пространство.

Keywords: Infographics, Info design, Design, Advertising design, visual culture, visual code, marketing, social and cultural space.

В разрезе современной действительности становится необходимым полномасштабное рассмотрение такого графического способа подачи информации как Инфографика, все более стремительно набирающей темпы развития и распространения в среде визуальной коммуникации. Роль визуальности в современной культуре и обществе является

важным и неотъемлемым фактором – визуальное пространство не только информирует и развлекает, но и формирует определенные представления в различных системах отношений. Таким образом, в разрезе визуального пространства и визуальной коммуникации следует уже говорить о таком явлении, как Визуальная культура общества. В свою очередь, специфика Визуальной культуры определяется ее семиотической природой и техническими возможностями средств ее реализации: высокая информационная емкость, легкость и убедительность чувств (образного) восприятия, доминирование репродуктивных возможностей над продуктивными, скорость и широта трансляции и тиражирования [2].

Стремительный темп жизни современного человека, недостаток времени, огромные информационные потоки, развитие технологий и инновационный прогресс – все это диктует новые требования и условия к подаче информации и успешному ее восприятию индивидом. На первый план уже выходит не текстовое сообщение, а зрительный образ, несущий заложенный смысл, логику, а в некоторых случаях уже и выводы. Именно таким информационно-коммуникационным средством и является Инфорграфика как составная часть обширного явления Инфодизайна. Спектр применения Инфографики широк – это журналистика и реклама, бизнес и статистика, научные труды и аналитика, технические инструкции и образование и т. д.

Для начала, следует разобраться с теоретической трактовкой этого термина. На данный момент, в силу недостаточности изучения этого явления, существует множество трактовок этого термина, но следует отметить наиболее емкие и точные.

Основная и традиционная формулировка термина «Инфографика» предстает следующим образом «это графический способ подачи информации, данных и знаний, целью которого является быстро и четко преподнести сложную информацию» [4, с. 488]. В свою очередь, Самуэль Веласко, как практикующий создатель Инфографики вот уже более 25 лет, трактует следующим термин образом «это слово для меня всегда означало микс информации, дизайна и иллюстрации. Задача графики (дизайна и иллюстрации) в этом случае – выявлять и отображать то, для чего не достаточно слов» [1]. В соответствии с трактовкой испанского профессора Валеро Санчо, это «информационный элемент, выраженный при помощи изображения и типографических элементов, который позволяет понять или существенно облегчить понимание событий, действий или каких-либо важных аспектов и сопровождает или заменяет текстовую информацию» [3, с. 15].

Эдвард Тафти – известный теоретик Инфографики говорит о том, что «инфографика должна быть минималистичной, все несущественное и препятствующее восприятию информации должно быть опущено, а сами данные должны быть переданы максимально точно» [5, с. 45]. Иной подход демонстрирует Найджел Холмс (он иллюстрировал редакционные колонки некоторых англоязычных печатных изданий) делающим ставку на выразительность и иллюстративность в Инфографике, созданием привлекательных для читателя образов и развлечением. Таким образом, можно подвести итог, что Инфографика представляет собой информационное сообщение, выраженное графическим языком с помощью комплексной системы графических изображений и текста, представленное максимально просто, лаконично и доступно.

Рассматривая линию становления Инфографики как направления графического дизайна можно проследить ее отголоски, элементы и характерные черты в самых различных периодах развития человеческого общества. Так например, отправной точкой можно считать наскальные рисунки в эпоху Первобытного общества, или система координат и амфорные событийные рисунки в эпоху Античности, иллюстрируемые научные труды средних веков и т. д. Непосредственное же становление Инфографики как комплексной визуально-информационной системы и нового жанра возникает в конце XX века на стыке журналистики, дизайна и статистики сравнительно недавно. Началом принято считать американское издание 1982 г. USA Today, где впервые была представлена систематизированная информация в виде поясняющих картинок с подписями, схемами, картами и диаграммами. Именно такая форма подачи материала стала иметь успех у читателя, а соответственно и у коммерческого издания массовой коммуникации. Последние же годы термин «инфографика» оккупирован маркетингом. «Инфографика» используется как средство популяризации, а графические средства не для передачи информации, а для украшения. Диаграммы, стрелки, карты, характерные для серьезной журналистской инфографики, используются ради «красного словца», случайно [1].

Следует также отметить, что на современном этапе Инфографика приобрела разнообразные конструктивные и композиционные формы. Ее видовые направленности зависят от целей и функций самого информационного сообщения. В результате мы можем видеть различные приемы в Инфографике такие как сравнение, конструктор, статистика. Также можно выделить статичную и динамичную (интерактивную) Инфографику, все более набирающую темпы развития за счет своей эффектности. Деление также осуществляют по типам – аналитическая, новостная, презентации, реклама, инструкция.

Отличительными чертами являются содержательность и смысл, дизайн и эмоциональность, основными же принципами – наглядность, простота, структурность и достоверность. В результате, решается ряд вопросов, связанных с восприятием информационного сообщения, таких как скорость восприятия, смысловая однозначность и произвольная последовательность.

Непосредственным автором любой Инфографики выступают два и более специалистов. Как правило, это человек или группа лиц, генерирующие непосредственно информационное сообщение, его стратегическую содержательную основу и дизайнер, облекающий информацию в эстетическую визуальную форму посредством графического языка. Задача дизайнера не просто сделать машинальную работу по подбору графических картинок и символов, а создать единую конструктивно понятную систему, эргономично удобную для восприятия на всех ее этапах, эстетически удовлетворяющую потребности зрителя. Успешная Инфографика должна быть выверена по композиционному решению и наполнению, по колористической направленности, по характеру графического языка и стилистике, в ней должны быть использованы правильные графические акценты и смысловые доминанты. Как правило, Инфографика создается под определенную целевую аудиторию, чтобы ее визуальный язык был понятен и созвучен предпочтениям и интересам реципиента, в противном же случае она превратится в информационный шум и затеряется в информационном потоке.

В результате рассмотрения данной темы можно сделать вывод, что Инфографика представляет собой новый метод художественной визуализации информации, где функция изображения меняется, а зрительный образ становится комплексным. Таким образом, следует говорить об Инфографике, выступающей визуальной формой коммуникации, как о феномене формирования нового культурного языка и визуального кода визуальности современности посредством сосредоточения художественно-эстетических свойств со структурированным объемным пластом информации.

Список литературы:

1. Веласко С. Еще раз о слове «инфографика». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://infographer.ru/samuel-velasko-eshhe-raz-o-slove-infografika>.
2. Данилкина И.И. Визуальное воображение в трансформации культурной среды [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anaculturolog.ru>.
3. Тарасенко П.Н. Использование инфографики на сайтах испанских интернет-СМИ // Журналист. Социальные коммуникации. – 2011. – № 2. – С. 235.

4. Newsom D. and Haynes J. Public Relation Writing: Form and Style [Text]. – Cengage Learning, 2010. – 506 p.
5. Tufte E. The Visual Display of Quantitative Information. – Graphics Press, Cheshire, Connecticut, 2001. P. 345.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ МИРОВ В МЕДИАКУЛЬТУРЕ

Трубникова Екатерина Георгиевна

*магистрант, специальность – Культурология,
направление «Культура медиа»,*

*Санкт-Петербургский Государственный университет – СПбГУ,
РФ, г. Санкт-Петербург*

E-mail: catachresis@yandex.ru

REPRESENTATION OF WORLDS MULTIPLICITY IN MEDIACULTURE

Yekaterina Trubnikova

*culturology major, training course «Media culture»,
Saint Petersburg State University – SPBU,*

Russia, Saint Petersburg

Аннотация. Цель статьи – культурологический анализ репрезентации концепции мультивселенной в современной экранной культуре. Экранная культура описывается как среда мифологизации действительности. Мифологемы, продуцируемые в ее рамках, участвуют в конструировании картины мира отдельных индивидов и обобщенных представлений о реальности в массовом сознании. Одним из ярких примеров формирования культурной мифологемы на основе научного знания является визуализация идеи множественности миров. В экранном пространстве она наделяется рядом узнаваемых архетипических и эмоционально окрашенных элементов, опосредуется действующими культурными стереотипами и встраивается в фантастический дискурс развлекательной индустрии.

Abstract. The purpose of this article is the culturological analysis of multiverse concept representation in modern screen arts. Screen culture

is described as an area of reality mythologization. Mythologemes, produced by it, take part in constructing the picture of the world of separate individuals and generalized presentation of reality in mass consciousness. One of the most vivid examples of cultural mythologeme formation based on scientific knowledge is the visualization of the multiple worlds idea. In screen space it is endowed with recognizable archetypical and emotionally tinted elements. It is also mediated by actual cultural stereotypes and built in fantastic discourse of entertainment industry.

Ключевые слова: экранная культура, современная мифология, научный миф, мультивселенная, кинематограф, множественность миров, массовое сознание.

Keywords: screen culture, modern mythology, scientific myth, multiverse, cinema, multiple worlds, mass conscience.

Современность характеризуется не только увеличением количества визуальной продукции и расширением визуальных репрезентаций, но и меняющимся автоматизмом восприятия реальности. Базовой единицей восприятия становится образ, на экспрессивности и информационной насыщенности которого базируется современная массовая культура. В рамках культуры конструируется специфическая визуальная реальность, трансляция которой осуществляется через экран. В связи с этим современная массовая культура может полагаться культурой экранной. К.Э. Разлогов предлагает следующую интерпретацию понятия: «Экранная культура – это система культуры, распространяемая техническими средствами, в рамках которой основным носителем информации является экран» [6, с. 5].

Экранная культура характеризуется окуляцентричностью (высокой степенью доверия к воспринятому визуально), досуговостью, мозаичным характером преподносимой информации, широкими возможностями для интерпретируемости явлений, сложностью разграничения фактов и фикций. Ж. Бодрийяр отмечал, что экранная культура существует благодаря иррациональной вере потребителя современной медийной продукции, причину такой веры философ видел в «функции инфантильного одаривания», которая гарантирует зрителю чувство включенности в происходящее, сопричастности [2, с. 187].

Экранная индустрия мифологична и мифоцентрична. В широком смысле мифом можно назвать любой феномен или идею, которая становится предметом иррациональной веры. Мифологемы продуцируются и существуют в неформализуемой сфере обыденного познания действительности, а потому являются универсальными и неотъемлемыми элементами культуры.

По Р. Барту, миф – коммуникативная система или слово, образованное на основе уже существовавшей семиологической цепочки, надстроенная над явлениями и образами действительности вторичная семиологическая система [1]. И если полагать, что культура выступает своего рода буферной зоной между реальностью и человеком, то миф – продукт ее репрезентации реальности, медиатор между массовой культурой и ее потребителями.

Переноса идеи М. Маклюэна [5] в отношении понятия «медиа» на соотношения мифологии и экранной культуры, можно заключить, что аудиовизуальный способ трансляции мифа актуален для современности так же, как был актуален устно-слуховой способ в дописьменных культурах или ораакустический – в период развития книгопечатания.

Экранный миф формирует конкретные элементы картины мира, претендующие на достоверность. При этом он неререфлективен и подразумевает центрированность на эмоционально-аффективных, а не рациональных компонентах восприятия. Экранный миф обрабатывает и транслирует существующий социокультурный опыт, одновременно выступая как отражение ожиданий потребителей массовой культуры и средство их формирования, конституирует и опосредует индивидуальное и всеобщие понимание действительности. Миф в этом контексте выступает источником множества эксплуатируемых популярной культурой вечных сюжетов, архетипов персонажей, стилистического и смыслового наполнения жанров, изобразительно-выразительных средств.

Считается, что в современном мире основным способом конструирования представлений человека о реальности служат рационализм и научное знание. Однако научное знание в своем изначальном формате недоступно для восприятия через обыденное познание, а потому остается сферой деятельности замкнутого научного сообщества. Массовая же культура оперирует его интерпретациями, основанными на преобразовании описываемых явлений и фактов в соответствии с существующими мифологемами, встраивании в доминирующую культурную парадигму, упрощении и превращении абстрактных категорий в конкретные чувственные образы.

Научное мифотворчество особенно актуально в релятивизированной науке современности, каждое явление в которой может быть описано множеством различных способов. Кроме того, накопление теоретического и эмпирического материала способствует появлению множества теорий, находящихся на стадии гипотез и не имеющих конкретных подтверждений или опровержений в рамках существующих представлений о законах окружающей действительности.

Одним из наиболее ярких примеров научного мифотворчества в современных экранных искусствах служит концепция мультивселенной. На протяжении всей истории науки идея «иных миров» являлась одной из самых противоречивых и волнующих как в гуманитарном, так и в естественнонаучном знании. Разработке методологии и философского обоснования идеи множественности миров положили начало труды античных философов Левкиппа и Демокрита, в новое время концепция дополнилась научными изысканиями Н. Кузанского, Д. Бруно, Г. Галилея, Г.В. Лейбница. Проблема получила новый смысл и содержание в начале XX в. в связи с созданием теории относительности. Оставаясь актуальной и по сей день, концепция мультиверса приобрела междисциплинарный статус и серьезную научную базу. Ряд современных магистральных разработок в области теоретической физики подразумевают существование множества вселенных в той или иной форме. Среди них наиболее авторитетны теория хаотической инфляции, лоскутной мультивселенной, теория струн (М-теория) и многомировая интерпретация квантовой механики Х. Эверетта. В логике понятие мультивселенной связано с семантикой возможных миров, разработанной С. Крипке, Р. Карнапом, Я. Хинтиккой, «модальным реализмом» Д. Льюисом. В философско-социологическом дискурсе – с социальным конструированием реальности А. Шюца, Т. Лукмана, П. Бергера, эпистемологическим конструктивизмом Н. Гудмена.

Большинство выработанных в современных экранных искусствах способов визуализации многомирия переключаются с научными космологическими и философскими теориями мультивселенной. Однако, в силу недоступности абстрактных гипотез физики и философии массовому сознанию, культура порождает свои способы изображения и объяснения многомирия, представляющие собой мифологизированные элементы научных теорий, дополняемые фантастическими, религиозными, эзотерическими и мистическими мотивами.

В рамках такого многомирия существуют свои особенности. Как правило, два или более приемов визуализации множественности миров не пересекаются в одном произведении. Это можно объяснить обособленностью и специфичностью жанровой ниши каждого из них. Кроме того, из-за сложности в вербализации иных фундаментальных физических постоянных большинство иных миров в кино обладают тем же количеством измерений и теми же законами природы, что и привычный нам мир, несмотря на то, что научные гипотезы мультивселенной в большинстве случаев предполагают обратное.

Идея о структурированной организации вселенной отвечает масскультурному требованию упрощения и систематизации действительности. Так, хаотическое и разрозненное пространство мультивселенных в науке приобретает упорядоченность и гармоничность в экранных искусствах. Мультивселенная представляется в виде замкнутой структуры соподчиненных миров, имеющих четкую классификацию, как, например, реальность и различные уровни сумрака из кинодилогии «Ночной дозор» и «Дневной дозор» (реж. Тимур Бекмамбетов).

Мультивселенные в массовой культуре связаны с поддержанием архетипа великой миссии человечества, его принадлежности к мистической структуре вселенной, способности преодолеть повседневность и достичь горизонта сверхъестественности. Такие мультиверсы антропоцентричны, практически в каждой вымышленной вселенной протагонист – человек, существующий в привычном нам мире и каким-либо образом сталкивающийся с параллельными вселенными. Зачастую, люди оказываются обладателями уникальных способностей или артефактов. К примеру, цикл фильмов «Хроники Нарнии» (The Chronicles of Narnia: The Lion, the Witch and the Wardrobe, The Chronicles of Narnia: Prince Caspian, The Chronicles of Narnia: The Voyage of the Dawn Treader, реж. Эндрю Адамсон) повествует о группе подростков, открывающих для себя сказочный мир Нарнии и играющих ключевые роли в его истории.

Экранным репрезентациям мультивселенной также свойственна идея контроля субъекта над пространственно-временным континуумом. Такая стратегия визуализации связана с феноменом «эвреттики» – общекультурным пониманием многомировой интерпретации квантовой механики, основанном на гуманитарном объяснении физики [3, с. 286]. В данном случае подразумевается существование многовариантной вселенной, в основе которой лежит единственный мир, трансформируемый главным героем или героями таким образом, что возникает несколько альтерверсов, принципиально отличающихся друг от друга после прохождения точки бифуркации. Чаще всего, трансформация происходит посредством перемещений во времени. В одной из статей [4] Д. Льюис доказывает, что путешествия во времени не приводят к логическим парадоксам, если исходить из предположения, что каждое путешествие предполагает перемещение не только во времени, но и между различными вселенными.

Примерами такой визуализации многомирия могут служить фильмы «Эффект бабочки» (The Butterfly Effect, реж. Эрик Бресс) и «Господин Никто» (Mr. Nobody, реж. Жак Ван Дормаль), в которых главные герои наделяются возможностью перемещаться между несколькими мирами,

выбирая наиболее благоприятный вариант реальности. Сюжет фильма «Беги, Лола, беги» (*Lola rennt*, реж. Том Тыквер) выстроен вокруг трех параллельно существующих миров, в каждом из которых события протекают по-разному и зависят от принимаемого Лолой решения в начале сюжетной линии. Схожий генезис альтернативного мира продемонстрирован в фильме «Если только» (*If Only*, реж. Джил Джангер): здесь главный герой получает возможность предотвратить смерть своей девушки, создавая тем самым параллельный показанному изначально мир, в котором смерти не произошло.

Если следовать детерминистскому подходу классической механики и исключить наличие альтернативных вселенных, то путешествия во времени и различные межвременные контакты должны быть беспоследственными для структуры мира произведения. Это положение отсылает к философскому понятию этернализма как одномоментной реализации всех событий прошлого – настоящего – будущего. Теория описывает время как стабильный «блок», существующий одновременно в трех ипостасях: прошлом, настоящем и будущем. Согласно теории этернализма, прошлое, настоящее и будущее неизменяемы и равноправны. В такой интерпретации множественность миров становится в каком-то смысле множественностью времен, как в картинах «Полночь в Париже» (*Midnight in Paris*, реж. Вуди Аллен) и «Дом у озера» (*The Lake House*, реж. Алехандро Агresti).

Для экранных мультиверсов свойственно выделение в особый замкнутый и отличный от повседневной действительности универс загробного мира, сказки и виртуальной реальности. Загробные миры могут изображаться как в контексте традиционного христианского толкования, например, ад с языками пламени и физическими истязаниями в фильме «Константин: повелитель тьмы» (*Constantine*, реж. Фрэнсис Лоурэнс), так и в контексте современного восприятия «вечных мук»: ад как бюрократизированный город, состоящий из трущоб, жители которого изо дня в день занимаются примитивной рутинной работой, пытаясь преодолеть депрессию и чувство отчужденности, в фильме «Самоубийцы: история любви» (*Wristcutters: A Love Story*, реж. Горан Дукич).

Сказочный универс, как правило, представляет собой традиционный фэнтезийный мир, который аккумулирует множество персонажей классических сказочных произведений и функционирует по традиционным для жанра законам. При этом он выступает своего рода антиподом обыденной действительности и сконцентрирован на возможности чудес, как в телесериалах «Однажды в сказке» (*Once Upon a Time*) и «Десятое королевство» (*The 10th Kingdom*, реж. Дэвид Карсон, Херберт Уайз).

Вселенная, образуемая виртуальной реальностью, вбирает в себя идеи превосходства искусственного интеллекта над человеческим, представления о симулятивности реальности, тотальной компьютеризации сознания. Такой универс присутствует в трилогии фильмов «Матрица» (*The Matrix, The Matrix Reloaded, The Matrix Revolutions*, реж. Лана и Лили Вачовски) или фильме «Тринадцатый этаж» (*The Thirteenth Floor*, реж. Роланд Эммерих).

Необходимым условием экранного многомирия является возможность перемещения между мирами, которая реализуется через концепт «портала» – своеобразного разрыва в пространственно-временном континууме, позволяющего сверхбыстро передвигаться между различными вселенными. В качестве портала могут выступать червоточины, специально созданные технические устройства, некоторые области пространства, а также предметы. Концепт портала может быть визуализирован и просто как уникальная способность протагониста. При помощи этого приема один или несколько героев становятся медиаторами, наличествующими в сюжетных линиях нескольких миров и объединяющими их. К примеру, в фильме «Звездные врата» (*Stargate*, реж. Роланд Эммерих) порталом в иное измерение служит гигантское металлическое кольцо времен античного Египта, открывающее проход в иное измерение. В многочисленных экранизациях «Алисы в стране чудес» и «Алисы в зазеркалье» портал – зеркало.

Кроме того, в экранном многомирии может существовать альтернативные вспомогательный универс, используемый для перемещения в пределах пространства-времени видимой реальности. Таким миром является, к примеру, гиперпространство (ноль-пространство или подпространство), широко распространенное в научной фантастике. Как правило, гиперпространство наделяется иными физическими свойствами, которые позволяют передвигаться со скоростью света. Другим примером может служить «касательный мир» (*tangent universe*) в фильме «Донни Дарко» (*Donnie Darko*, реж. Ричард Келли), через который главный герой перемещается во времени.

Измененные состояния сознания (сон, галлюцинация, транс, медитативные состояния) интерпретируются как мистический опыт перехода из одного мира в другой в соответствии с распространенными в культуре стереотипами. К примеру, в фильме «Исходный код» (*Source Code*, реж. Данкан Джонс) альтерверс создается через переживание главным героем клиническое смерти и помещения его сознания в тело другого человека. Погружение в альтернативную реальность через засыпание продемонстрировано в фильмах «Малхолланд драйв» (*Mulholland Dr.*, реж. Дэвид Линч), «Ванильное

небо» (Vanilla Sky, реж. Кэмерон Кроу), «Начало» (Inception, реж. Кристофер Нолан).

Современная экранная культура является базовой средой распространения смыслов и идей. Она формирует эпос современности и конструирует мифологизированную картину мира в сознании ее реципиентов. Экранные образы в массовом обыденном сознании выступают в качестве ключевых элементов формирования представлений о реальности.

Концепция множественности миров, разрабатывавшаяся в контексте космологического и логико-философского дискурсов, в значительной степени отличается от визуализаций мультивселенной в массовой культуре. Множественные миры в экранных искусствах – мифологема, эксплуатирующая неоднозначность тематических научных данных и интерес аудитории к вопросам сущности вселенной и человеческого бытия в ней, а также сверхъестественным допущениям. За время своего экранного присутствия идея мультивселенной получила множество прочтений и обрела ряд узнаваемых форм и элементов, которые и являются основой мифа о множественности миров в массовом сознании.

Список литературы:

1. Барт Р. Мифологии. – М.: Академический проект, 2008. – 351 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: РУДОМИНО, 2001. – С. 187.
3. Власова С.В. Множество реальных миров и универсальная реальность // Вестник Мурманского Государственного Технического Университета. – 2011. – № 2. – С. 281–291.
4. Lewis D. The paradoxes of time travel // American Philosophical Quarterly. – 1976. – № 13. – Р. 145–152.
5. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Кучково поле, 2003. – 464 с.
6. Разлогов К.Э. Искусство экрана: от синемаатографа до интернета. – М.: Росспэн, 2010. – 304 с.

РАЗДЕЛ 2.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

2.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЧЕРТЫ РОМАНТИЗМА В ПРОЗЕ Н. ГУМИЛЕВА

Игонина Светлана Викторовна

*ст. преподаватель кафедры филологии,
Технический институт (филиал) ФГАОУ ВО,
«Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова», ТИ (ф) СВФУ,
РФ, г. Нерюнгри*

TRAITS OF ROMANTICISM IN THE PROSE OF N. GUMILEV

Svetlana Igonina

*senior Lecturer at the Department of Philology
in the Technical Institute (Branch) of North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosov, TI NEFU,
Russia, Neryungri*

Аннотация. В творчестве Николая Гумилева присутствуют черты не только акмеизма, но и других литературных направлений. В данной статье рассмотрены наиболее яркие черты романтизма в его прозе.

Abstract. In the literary heritage of Nikolai Gumilev there are elements not only of Acmeism, but other literary directions. This article discusses the most striking features of romanticism in his prose.

Ключевые слова: Серебряный век; Н. Гумилев; проза; черты романтизма.

Keywords: Silver age; N. Gumilev; prose; features of the romanticism.

Для романтизма как направления был характерен «пессимистический взгляд на перспективы общественного развития; умонастроения «мировой скорби» сочетались в романтизме со стремлением к гармонии миропорядка, духовной целостности личности, с тяготением к «бесконечному», с поисками новых, абсолютных и безусловных идеалов. Острый разлад между идеалами и гнетущей реальностью вызывал в сознании многих романтиков болезненно-фаталистическое или проникнутое негодованием чувство двоемирия, горькую насмешку над несоответствием мечты и действительности» [2].

Поиск именно таких идеалов, невозможных в настоящей реальности, приводит романтиков к пересозданию реальности за счет использования сюжетов и принципов фольклора, мифологии, символики и т. п.

Необходимо также отметить, что романом «в XVI-XVIII в. называли жанр, сохранивший многие черты средневековой рыцарской поэтики и весьма мало считавшийся с правилами классицизма. Характерной чертой жанра была фантастика, расплывчатость образов, пренебрежение правдоподобием, идеализация героев и героинь в духе позднего условного рыцарства, действие в неопределенном прошлом или в неопределенно-отдаленных странах, пристрастие к таинственному и магическому» [3].

Предметом нашего исследования являются черты романтизма в прозе Н. Гумилева. Романтические традиции чаще рассматриваются в контексте его поэтического творчества, но в той или степени и в том или ином виде они присутствуют и в прозе. «Общее стремление романтиков (Баратынского, Тютчева) находит развитие в творчестве Гумилева. Склонность к постижению вечных, неколебимых явлений и процессов, стремление заглянуть за завесу неведомого, постичь сложнейшие антиномии человеческого внутреннего бытия сближает авторов поэтических текстов. Идеал сильной личности, величие человеческой души, устремленной к подвигу, исключительная роль носителя творческого дара самобытно воплощены» [1, с. 422] во всем его творчестве.

Практически все новеллы Гумилева объединены так называемым экзотическим компонентом: действие происходит в чужеземных странах (чаще всего это неизведанные земли Африки), или в иное, в том числе мифологическое, время (сотворение мира, библейское время, Крестовые походы и т. д.).

В новелле «Принцесса Зара» младший сын вождя из племени Зогар приходит за Светлой Девой Лесов, хранительницей их племени, которая воплотилась в принцессе Заре. Но она, дочь великого бая,

привыкшая к роскошной жизни невольницы и «купленной рабыни», неспособна понять, о чем он говорит, и вместо того, чтобы пойти с ним и стать богиней для целого племени, она предлагает ему свое тело. Не в силах выдержать осквернение веры, принять противоречие между идеалом, которому молились его соплеменники и предки в течение долгого времени, и его воплощением, сын вождя закалывает себя. Сама же Зара так и не понимает, что произошло: она не тоскует по чему-то великому и недоступному, не имеет идеалов и не способна принять чужие.

Здесь можно говорить не только о противопоставлении идеального образа светлой Девы Лесов и ее реального воплощения в Заре, что является основой для внутреннего конфликта сына вождя Зога, но и внешнем конфликте между двумя цивилизациями: природной, представленной племенем с озера Чад с его верой в богиню лесов, и не природной, в которой значение имеют только деньги и страсти тех, у кого эти деньги имеются. И если это противоречие является неразрешимым и фатальным для сына вождя, то в жизни Зары даже смерть гостя не оставляет заметного следа – только легкое недоумение и сожаление, что ее замысел лишней раз покрасоваться не удался.

В новелле «Золотой рыцарь» рыцари-крестоносцы, заблудившиеся в долине Ливана, изнемогающие от жажды и умирающие от жары, перед смертью поют приветственный гимн Иисусу Христу. Но их молитва прерывается прекрасным всадником, который предлагает им поединок. Увидев его лик, они принимают вызов и терпят поражение, после чего он, так не названный истинным именем, но узнанный ими и признанный как Небесный Сеньор, уводит их за собой по широкой мраморной лестнице прямо в небеса. Именно вера в Христа, слепая и не рассуждающая, дарует рыцарям предсмертное видение и, в отличие от предыдущей новеллы, облегчает героям переход в иной мир, а не заставляет убивать себя из-за неразрешимых внутренних противоречий.

При этом временная характеристика (момент смерти) приобретает и пространственно-временное значение (поединок и последующий пир до самого вечера, полночное ущелье и дорога в небеса), полностью относя хронотоп к иному миру, что характерно для мифологического хаоса с его неразделенностью времени и пространства. Помимо романтического образа персонифицированной смерти (например, мертвый жених в творчестве Бюргера, Ирвинга и др.) здесь можно говорить и о мифологической традиции проводника душ в иной мир (Харон, Танос, валькирии и пр.).

В новелле «Дочери Каина» Н. Гумилев опять обращается к теме Крестовых походов Ричарда Львиное сердце, но на этот раз трансформирует не только романтические принципы, но и религиозный текст. Герой новеллы, сэр Джемс Стоунгемптон, во время разведки пути для королевского войска, попадает в пещеру со спящим Каином и его семью дочерьми, которые сторожат его сон в ожидании дня Страшного суда. Девы показывают рыцарю прошлое: самого Каина и его греховные мысли по отношению к младшей дочери Лии, проклятье Бога, приход Зороастра, Орфея и многих других, кто зовет их вернуться в мир. Получив отказ в праве остаться с Лией или забрать ее с собой, рыцарь Джемс проклинает всю свою жизнь. Он, раз прикоснувшись к воплощенному идеалу небесной любви и потеряв его, уже не может найти радости на земле. Схожие мотивы наблюдаются в мифах и легендах о людях, которые побывали в ином мире и после не могли в полной мере наслаждаться жизнью (например, Томас Лермонт).

Интересно, что совмещение двух миров в этой новелле возможно только в определенном пространстве – пещере проклятого Каина, в которой времени как такого не существует, а потому возможно наложение разных временных промежутков или их «ускоренный» показ.

Таким образом, в новеллах Н. Гумилева прослеживаются черты романтизма, несколько трансформированные автором в соответствии с идейным замыслом произведений и реалиями времени и в итоге ставшим его художественным методом. В основе новелл лежит столкновение двух миров – реального земного и ирреального (вымышленного, религиозного, мира мертвых или мира вечно живых), их столкновение не разрешается однозначно: в итоге герой погибает, причем смерть может осознаваться им как новый этап жизни, или теряет интерес к жизни и медленное угасает. Традиционный для романтизма внешний социальный конфликт (противостояние героя обществу и отказ от его правил и законов) у писателя практически полностью заменяется на внутренний, при этом данное противоречие проявляется в монологах или поступках героя, но не дается через его размышления, сны, мечтания, описание его внутреннего мира и т. д. Н. Гумилев, как и многие романтики, использует обширный фольклорный, мифологический и литературный материал, насыщая свои тексты аллюзиями и реминисценциями и наполняя их новыми, авторскими, символическими значениями.

Список литературы:

1. Климчукова В.Н. Традиции русского классического романтизма в сборнике Н.С. Гумилёва «Костёр» // Судьбы курсив – курсив литературы. К юбилею профессора Нэлли Михайловны Щедриной: междунар. сб. науч. тр. / сост.: В.А. Скрипкина, Н.М. Щедрина. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – 472 с. – С. 421-428. С. 422.
2. Николай Гумилёв. Электронное собрание сочинений – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/prose/> (Дата обращения – 15.07.2017).
3. Романтизм // Литературная энциклопедия / Под редакцией В.М. Фриче, А.В. Луначарского. 1929—1939. – В 11 т. – М.: Изд-во Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература – Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/4039/Романтизм (Дата обращения: 18.07.2017).
4. Романтизм // Популярная художественная энциклопедия / Под ред. В.М. Полевого – М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1986. – Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/2788/Романтизм (Дата обращения: 18.07.2017).

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

3.1. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И СТРУКТУРЫ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ МАКРОТОПОНИМОВ

Кузякин Александр Сергеевич

*канд. филол. наук, доц. кафедры «Иностранные языки-5»
Московского государственного университета путей сообщения
императора Николая II,
РФ, г. Москва*

SPECIFICS OF SEMANTICS AND STRUCTURE OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL MACROTOPONIMS

Alexander Kuzyakin

*phD, assistant professor of the "Foreign Languages chair-5"
of Moscow state university of railway engineering,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье исследуется структура, общие и специфические семантические признаки прозвищ американских штатов, позволяющие разделить их на группы, а также языковые средства создания экспрессивности. Основная структурная модель: The + Attribute + Noun(State). К общим признакам прозвищ относятся «автонимность», «американский», «территория», «политическое устройство», «часть более крупного федерального образования». К специфическим признакам «территории», относятся, например: «садовый» (New Jersey), «болотистый» (Florida), «табачный» (Kentucky),

и др. Экспрессивность прозвищ создается использованием аллитерации, ассонанса, стилистически маркированной лексики, игрой слов с опорой на коннотации и этимологию.

Abstract. The article analyses structure, common and specific semantic features of nicknames of American states which allow to distinguish among groups, as well as linguistic means of expressiveness. The basic structural model is: The + Attribute + Noun (State). The common semantic features are “autonymity”, “American”, “territory”, “political community”, “part of a federal republic”. The specific features of “territory” are “garden” (New Jersey), “everglade” (Florida), “tobacco” (Kentucky), etc. Expressiveness of nicknames is achieved by alliteration, assonance, stylistically marked lexis, puns based on connotations and etymology.

Ключевые слова: косвенная номинация; фразеологическая единица; макротопоним; имя собственное; семантический признак; прозвище; структура; экспрессивность.

Keywords: indirect nomination; phraseological unit; macrotoponym; proper name; semantic feature; nickname; structure; expressiveness.

Цель настоящей работы - выявить общие структурно-семантические особенности одной группы английских фразеологических макротопонимов, а именно прозвищ американских штатов.

Под прозвищами штатов мы понимаем экспрессивные многословные фразеологические единицы, фигурирующие в языке и речи наряду с основными однословными лексемами как имена собственные, типа: “The Cotton State” – Alabama.

Материалом для анализа послужили данные фразеологического словаря английского языка под редакцией А.В. Кунина [1]. Всего исследовано 80 прозвищ.

Предварительный анализ показал, что все штаты имеют неофициальные прозвища. У штата Алабама нет официального прозвища, но есть неофициальные. Абсолютное большинство штатов имеют более 3 неофициальных прозвищ. Больше всего официальных прозвищ у Северной Каролина - четыре. По одному прозвищу только у округа Колумбия и у Вермонта [8].

Следуя принятому в лингвистике разграничению макро- и макротопонимов, все прозвища штатов относятся к области макротопонимии, поскольку допускают последовательное выделение более мелких географических объектов - округов (традиционно графств), муниципалитетов, тауншипов и т. д. [2].

Семантика и структура прозвищ штатов в самом общем смысле определяются тремя факторами: во-первых, прозвища штатов являются реалиями, во-вторых, именами собственными, а в-третьих, устойчивыми фразеологическими сочетаниями [5, с. 8].

Из первого фактора вытекает, что семантический компонент «американский», характеризующий национальную принадлежность территории, выступает не как коннотация, а как составной элемент денотативных значений всех прозвищ штатов.

Из отнесенности прозвищ к именам собственным вытекает ряд семантически значимых следствий. Прозвища штатов обозначают единичные в своем роде объекты, т. е. индивидуализируют и идентифицируют территории, а не классифицируют их по общим признакам подобно апеллятивным нарицательным топографическим терминам. Все прозвища пишутся с заглавной буквы и у них выделяется общий когнитивный признак «автономности», когда выражение выступает в качестве имени самого себя [6], например, «Я» – «Последняя буква алфавита». Этот признак роднит прозвища штатов с антропонимами, нефразеологическими топонимами и прочими онимами в рамках лексико-грамматической категории имени собственного [3, с. 6; 4, с. 5]. В плане семантики автономность фразеологических прозвищ штатов отражается как импликация загадки, которую носителю языка легко и, очевидно, приятно отгадывать.

Прозвища как фразеологизмы, в отличие от однословных имен являются результатом косвенной (неавтономной) номинации, проходящей по определенным фразеологическим моделям. Значение каждого компонента играет разное влияние на значение целого. Общим структурным ядром этих моделей выступает имя State (или его синоним, типа Land), являющееся для всех прозвищ топоформантом, подобным элементу burg в нефразеологических топонимах, типа: Luxemburg, Hamburg. Присоединяясь к отдельному слову или словосочетанию, формант State превращает его/их в атрибуты фразеологического топонима. Атрибуты топоформанта State могут состоять из слов, относящихся к различным частям речи и находящихся в различных типах сочетаний друг с другом. Непременным членом любого атрибута является определенный артикль the. Предваряя другие определения имени State, он усиливает признак автономности и способствует восприятию прозвища как единой фразеологической единицы, независимо от ее величины. В нашем материале не встретилось прозвищ с более чем пятью словами после определенного артикля, что в принципе соответствует глубине оперативной речевой памяти человека. Имея в качестве интегрирующих элементов фразеологического значения определенный

артикуль и топоформант State, модели косвенной номинации в прозвищах дифференцируются на 8 групп, в зависимости от лексического состава своих атрибутов, а именно: 1) одиночное простое или сложное прилагательное: The Golden State (California), The Evergreen State (Washington), 2) одиночное простое или сложное существительное: The Badger State "барсучий штат" (Wisconsin), The Buckeye State "каштановый штат" (Ohio), The Webfoot State "перепончатый/водоплавающий штат" (Oregon), 3) сочетание из двух прилагательных: The Old North State (North Carolina), 4) сочетание прилагательного и существительного: The Lone Star State "штат одной звезды" (Texas), The Blue Hen State "штат голубой курочки" (Delaware), 5) сочетание двух существительных, соединенных союзом and: The Bread and Butter State (Minnesota), 6) сочетание существительного с причастием I: The Tree Planting State (Nebraska), 7) сочетание существительного с причастием II: The Battle-born State "штат, рожденный в бою" (Nevada), 8) сочетание глагола с местоимением: The Show-me State "недоверчивый штат" (Missouri). Написание двух слов через дефис во фразеологизме не свидетельствует о том, что это лексически одно слово, если словарь стандартного английского языка не регистрирует его как цельнооформленное. Анализ модели «существительное + существительное» в атрибуте показал, что первое из них как правило используется в функции определения.

Некоторые существительные конвертируются в прилагательные еще до вхождения во фразеологизм, например: salt lake "соленое озеро" (The Salt Lake State – Юта), другие остаются по сути своей существительными, приобретая функцию определения позиционно, как: The Creole State (Louisiana) или флективно, как: The Nation's State (District Columbia).

В абсолютном большинстве случаев атрибут предшествует топоформанту State, и только в двух прозвищах он как бы разорван на препозитивную и постпозитивную части. Препозитивная часть состоит из определенного артикля и существительного в функции определения, а постпозитивная часть представлена предложным сочетанием, объединяющим в себе атрибутивную и обстоятельную функции. Модель косвенной номинации Atr. + N(State) + Atr. занимает особое положение, примыкая к восьми вышеперечисленным препозитивным моделям как вариант основной модели Atr. + N(State). Например: The Treasure State of the Rockies (Colorado) и The Empire State of the South (Georgia). Утяжеление препозитивной конструкции прозвища дополнительными постпозитивными элементами, уточняющими географическое положение штата, связано, по-видимому, не столько с желанием придать прозвищам большую экспрессивность,

сколько с необходимостью дифференцировать их от синонимов. Такие прозвища, как: The Golden State (California) или The Silver State (Nevada) так же легко ассоциируются с treasure, поэтому возникает необходимость спецификации территории - of the Rockies. Только обстоятельственный элемент of the South дифференцирует прозвище Джорджии - The Empire State of the South от прозвища штата Нью-Йорк – The Empire State.

В плане фразеологической семантики, значение слова State как структурного центра косвенной номинации может рассматриваться как основа для классификации прозвищ по семантическим группам. Толковые словари выделяют у state релевантные для данного исследования семантические признаки «страна, территория» (territory), «государство, политическая система управления» (organized political community), «штат, часть более крупного федерального национально образования» (part of a federal republic) (3). Эти семантические признаки рассматриваются здесь как классемы, обеспечивающие семантически корректное объединение топоформанта и атрибута. В соответствии с 3 классемами имени State в нашем материале выделяется три группы прозвищ: 1) прозвища, описывающие особенности штата как территории: The Garden State (Kansas), The Tobacco State (Kentucky), The Everglade State "болотистый штат" (Florida), The Wheat State (Minnesota), The Magnolia State (Mississippi), The Sagebrush State "полынный штат" (Nevada) и др., 2) прозвища, описывающие штат как политическую единицу: The Equality State (Wyoming) - штат ввел равные права для женщин, The Monkey State (Tennessee) - штат ввел запрет на преподавание теории Дарвина и др., 3) прозвища, описывающие штат как часть федерации: The Panhandle State "штат - ручка от сковороды, или виргинский коридор" (West Virginia) - вклинивается между Виргинией и Мэрилендом, The Keystone State "краеугольный штат" (Pennsylvania) - расположен в центре 13 первоначально входивших в состав США штатов. Граница между первой и второй группами достаточно четкая, поскольку прозвища 1' группы фиксируют признак штата в пространстве, а прозвища второй группы - во времени. Границы третьей группы гораздо менее четкие, поскольку понятие "часть федерации" может быть отнесено и к пространству, и ко времени.

Влияние фразеологического фактора на прозвища штатов проявляется, во-первых, в их устойчивости к структурно-семантической вариации, а во-вторых, в их экспрессивности.

Изменение взаимного положения атрибута и топоформанта воспринимается как синтаксически допустимое (ср. возможность трансформации The Creol State в The State of Creols), однако семантически

неэквивалентное, поскольку беспредложная связь обладает большей силой (атрибут ближе к определяемому слову), а потому и большей экспрессивностью, чем предложная. Для прозвища, очевидно, беспредложная связь предпочтительна.

Изменение синтаксической позиции или грамматической формы слов внутри атрибутов является грамматически и семантически некорректным, поскольку, употребляясь в функции топонимического определения, элементы любого словосочетания становятся взаимозависимыми. Можно сказать: The Show-me State, но нельзя The Me-Show State, можно: The Golden State, но нельзя The More Golden State. Некоторые атрибуты воспринимаются как устойчивые сочетания еще до вхождения в топоним, напр.: the Polar star, bread and butter и др. (the Polar Star State – Мэн, the Gread and Butter State – Миннесота).

У исследованных прозвищ не зарегистрировано более одного значения, они моносемантчны в плане референтной отнесенности. Перенос удачных наименований на другие штаты затруднен в силу связанности значений с индивидуальными денотатами. Понятия лексико-семантической вариации и семантической производности к прозвищам штатов неприменимы, что сближает прозвища-реалии с терминами.

Под семантической экспрессивностью фразеологизмов обычно понимается наличие оценочности и особой выразительности. Об оценочности свидетельствуют словарные пометы, среди них наиболее типичны, например: 1) "шутливо" - The Nation's State (District Columbia), The Hoosier State "деревенский штат" (Indiana), The Show-me State "недоверчивый штат" (Missouri), The Turpentine State "скипидарный штат" (North Carolina), The Webfoot State "водоплавающий штат" (Oregon), The Volunteer State (Tennessee), 2) "иронично" - The Monkey State "обезьяний штат" (Tennessee) и др. Прозвищ штатов с явной негативной оценкой не встретилось.

Экспрессивность прозвищ может усиливаться за счет использования выразительных средств языка. Эти средства не относятся непосредственно к значениям прозвищ, но влияют на них через благозвучные сочетания звуков, игру слов, неожиданность грамматических конструкций.

Из звуков, наиболее часто встречающихся в атрибутах прозвищ, выделяются [s] и [t]. Аллитерация этих согласных в атрибутах и топоформанте способствует закреплению словосочетаний как устойчивых фразеологизмов, ср.: The Centenial State (Colorado), The Sagebrush State or The Silver State (Nevada), The Sunshine State (New Mexico), The Sunset State (Oregon) и др. Из 80 прозвищ штатов

аллитерация [s] или [t] наблюдается в 43 случаях. Значительно реже аллитерирует согласный [b], и то только в атрибутах: The Bread and Butter State (Minnesota), The Battle-born State (Nevada). Довольно часто встречается ассонанс краткого [e] или дифтонга [ei] в атрибутах и топоформанте, ср.: The Ancient Dominion State (Virginia), The Salt Lake State (Utah), Empire or Excelcior State (New York) и др., всего 26 случаев.

Абсолютное большинство фразеологизмов отличается ясным ритмом. Ударные и неударные слоги идут в четкой последовательности, облегчая произношение и запоминание сочетаний как устойчивых, ср.: The Badger State "барсучий штат" (Wyoming), The Blizzard State "вьюжный штат" (South Dakota), ударные гласные выделены жирным шрифтом.

К языковым средствам экспрессивности прозвищ относятся: 1) слова или словосочетания, характерные для неформального общения и стилистически выделяющиеся на фоне нейтрального имени State, например: слово *cracker*, имеющее согласно Longman Dictionary of English Language and Culture, значение "(derogatory) the poor white person", придает экспрессивность прозвищу The Cracker State "штат белой бедноты" (Georgia), аналогично сочетание *the blue law* в значении "(informal) a law to control sexual morals, drinking of alcohol, working on Sundays, etc." придает выразительность прозвищу The Blue Law State "пуританский штат" (Connecticut), ср. также семантическую выделенность слова *Hoosier* в составе прозвища The Hoosier State "деревенский штат" (Indiana), если иметь в виду, что *Hoosier* имеет значение – "a nickname a native inhabitant of Indiana", "(пренебрежительно) детина"; 2) этимологические кальки, обыгрывающие официальное название штата, напр.: прозвище The Green Mountain State (Vermont) содержит явную аллюзию к французскому источнику *vert mont* "зеленая гора", хотя и не обязательно происходит от него; 3) имена собственные лица с явным национальным колоритом, напр.: прозвище The Hawkeye State (Iowa) построено на личном имени одного из индейских вождей - Hawk Eye "Ястребиный Глаз", прозвище The Valentine State (Arizona) построено ассоциациях с именем популярного в Англии и Америке святого - St. Valentine.

Грамматической экспрессивностью обладают конструкции, оформляющие как единый атрибут многословные словосочетания и предложения. Такие конструкции необычны для словообразования прилагательных и характерны для стилистически нагруженной речи. В нашем материале экспрессивны все модели косвенной номинации, в которых атрибут состоит из двух и более слов.

Экспрессивность некоторых прозвищ может быть также косвенным результатом использования стилистических тропов (метафоры и метонимии) в атрибутах до их вхождения в состав топонима. Если под метафорой понимать полное переосмысление значения структурного центра фразеологизма (у нас это топоформант State), то в нашем материале метафоры нет. Существительное State употреблено в своем основном значении «штат» во всех случаях, кроме одного. Прозвище The Nation's State относится не к штату, а к административному округу - District Columbia. Этот случай можно квалифицировать как метонимию, поскольку перенос происходит по смежности признака территории у штата и округа.

Некоторые прозвища штатов метафоричны, поскольку имеют атрибуты, в основе образования которых лежит метафора. Приобретенная таким образом метафоричность прозвищ штатов является как бы вторичной, отраженной. Например, прозвище штата Дэлэвер - The Blue Hen State - метафорично, т.к. образовано от прозвища жителей штата - Blue Hen's Chickens "цыплята голубой курочки", связанного с названием отряда "Колдуэлские бойцовые петушки" (Coldwell's gamecocks) времен войны за независимость США 1775-83 гг., и также ассоциируемое, по-видимому, с выращиваемой на территории штата породой кур blue hen, выводящих бойцовых петушков. Метафорические ассоциации дают возможность экспрессивно совместить в прозвище жителей штата такие признаки птиц и давно живших людей, как: "бойцовский характер", "наследник героических партизан". При образовании на базе прозвища жителей фразеологического топонима происходит выпадение синтаксических элементов "s Chickens", в результате чего топоним паронимически сближается не с антропонимом The Blue Hen's Chickens, а с нарицательным апеллятивом blue hen. Мы считаем данное явление паронимическим рефлексом метафоры, а не паронимазией (метафорой) как таковой.

Таким образом, структурный и семантический анализ прозвищ американских штатов показал следующее:

1. Прозвища американских штатов имеют базовую структуру: (The) Atr. + N(State), с вариантом: (The) Atr. + N(State) + Atr. В качестве стержневого именованного компонента выступает топоформант State. В роли атрибута могут выступать одиночные простые и сложные прилагательные и существительные, сочетания прилагательных с существительными, сочетания двух существительных, соединенных сочинительной связью, сочетание глагола с подчиненным ему местоимением, сочетание причастия I или II с существительным. Количественно преобладают одиночные прилагательные и существительные, сочетания

существительных с прилагательными. Атрибут всегда включает в свой состав определенный артикль, усиливающий индивидуализирующий характер значения прозвища. Количество полнозначных слов в атрибутах не превышает пяти.

2. В семантическом плане у прозвищ выделяются общий когнитивный признак "автономность", связывающий прозвища с классом имен собственных, общий признак национальной принадлежности территории "американский", относящий прозвища к реалиям-американизмам, и классемы, характеризующие штаты как «территории», «политические сообщества» и «части более крупного федерального образования». Классемы позволяют делить прозвища на группы, внутри которых прозвища дифференцируются признаками атрибутов, напр. «пустынный» (Юта), «болотистый» (Флорида), «попынный» (Невада) и др.

3. Как фразеологические топонимы прозвища штатов характеризуются конструктивной устойчивостью, моносемантичностью, экспрессивностью. Семантическая прозрачность и элиминация синонимии в прозвищах связаны с употреблением имени State в прямом номинативном значении, ограничивающем метафорические и метонимические переносы. Экспрессивность прозвищ создается использованием аллитерации, ассонанса, стилистически маркированной лексики, игрой слов с опорой на коннотации слов-атрибутов и их этимологию, употреблением многословных конструкций в функции атрибута.

Список литературы:

1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1984. – 942 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор В.Н. Яреца. Москва «Советская энциклопедия» 1990 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/515b.html> (Дата обращения: 03.07.2017).
3. Мусаева С.А. Собственные имена персонажей научной фантастики. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Ленинград, 1987. – 16 с.
4. Петрова Е.С. Пределы структурно-семантического развертывания антропонимов в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Ленинград, 1985. – 17 с.
5. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. М.: Высшая школа, 1988. – 238 с.
6. Философский энциклопедический словарь. © Академик, 2000-2017 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/5416/%D0%90%D0%92%D0%A2%D0%9E%D0%9D%D0%98%D0%9C%D0%9D%D0%9E%D0%95 (Дата обращения: 03.07.2017).

7. АБВУ Lingvo x 5: Электронный словарь. Выпуск: 15.0.826.5. – [Электронный ресурс]. АБВУ Software ltd. 2011. (Дата обращения: 03.07.2017).
8. Wikipedia®. Wikimedia Foundation, Inc. – [Электронный ресурс]. Список прозвищ штатов США – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%89_%D1%88%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D0%A1%D0%A8%D0%90#cite_note-3 (Дата обращения: 03.07.2017).

3.2. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ОСОБЕННОСТИ АНАФОРИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Фатхулова Дина Раулевна

*ученый секретарь БашНЦ РАО, доц. кафедры
романо-германского языкознания и зарубежной литературы
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
РФ, г. Уфа*

Филипович Наталья Владимировна

*студент, Башкирского государственного педагогического
университета им. М. Акмуллы,
РФ, г. Уфа*

SPECIAL ASPECTS OF ANAPHORIC VERBS IN FRENCH LANGUAGE

Dina Raulevna

*academic secretary of BCS RAE, assistant professor
of Romano-Germanic Linguistics and Foreign Literature department,
Bashkir State Pedagogical University,
Russia, Ufa*

Natalia Filipovich

*student of Bashkir State Pedagogical University,
Russia, Ufa*

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности употребления и функционирования анафорических глаголов во французском языке. На основе литературных текстов выявлены основные функции глагольной репрезентации, а также частотность употребления определенных анафорических глаголов.

Abstract. This article examines particular features of use and functioning of anaphoric verbs in French language. The main functions of verbal representation as well as the frequency of use of certain anaphoric verbs are revealed from literary texts of French authors.

Ключевые слова: анафорические глаголы, глагольная репрезентация.

Keywords: anaphoric verbs, verbal representation.

Система французского языка отличается большой вариацией средств выражения, являясь основой построения грамматически правильных высказываний. По этой причине часто используется принцип репрезентации.

Репрезентация – это синтактико-смысловая категория, предполагающая обобщенное представление в речевом потоке или иного элемента представляемого текста [4, с. 99]. Таким образом, репрезентация является заменой определенного лексического элемента на другой, в большинстве случаев имеющий более широкий смысл. Однако этот процесс также может сопровождаться расширением содержания смысла фразы.

Глагольная репрезентация достаточно широко распространена в современном французском языке. Она может осуществляться различными путями: через глаголы, существительные, наречия или местоимения. Существует отдельный класс глаголов, которые помогают реализовать репрезентацию, – анафорические глаголы.

Глаголы с анафорической функцией обозначают действие не непосредственно, а в соотношении с другим глаголом [1, с. 140]. Данное понятие считается условным, так как в некоторых случаях эти глаголы могут антиципировать информацию, представленную в последующем контексте. Анафорические глаголы не несут четкого лексического значения. Они характеризуют действие в соотношении с другим глаголом, актуализируя различные значения лишь в контексте высказывания.

Выделяют два вида анафорических глаголов: адекватные и неадекватные [2, с. 12]. В первом случае семантическое значение репрезентируемого глагола полностью соответствует глаголу-заместителю, а неадекватные анафорические глаголы могут передавать дополнительное значение. Наиболее часто в такой роли встречается глагол *faire*.
Например:

1. *Il lit plus qu'il ne fait autrefois.*
2. *Que faut-il faire?*

В первом примере смысл глагола “*fait*” нельзя точно определить вне контекста всего предложения. Мы лишь понимаем, что речь идет о каком-то действии, но выявить полное значение высказывания невозможно. В данном случае под глаголом “*faire*” подразумевается глагол “*lire*”. При изменении глагольного ядра предложения можно изменить контекстуальное содержание глагола *faire*. Благодаря своей многозначности этот глагол может выступать репрезентантом сразу нескольких глаголов в одном тексте:

– Savez-vous, dit-il, ce que nous allons *faire*? Avant que l’on ne démolisse ce porche, qui est le tombeau de vos souvenirs, nous *achèterons* ensemble quelques fleurs et nous le *déposerons* au sommet de ces marches [5, с. 139].

Здесь глагол *faire* отсылает читателя сразу к двум другим глаголам (*achèterons* и *déposerons*), репрезентируя глаголы с дополнением.

К таким глаголам-заменителям можно отнести глаголы *commencer* (начинать), *continuer* (продолжать), *finir* (заканчивать), *reprendre* (браться заново, возвратиться), *accuser* (принимать), *essayer* (пытаться) и т. д. Сами по себе эти глаголы не показывают, о каком действии идет речь, и эту информацию можно получить лишь по предыдущим глаголам.

В роли глагола-репрезентанта во французском языке может выступать модальный глагол (*vouloir, pouvoir*). Модальные глаголы выполняют не только репрезентирующую функцию, но и выражают дополнительный смысл:

- ...Faites, par pitié, que je vous revoie..., une fois..., une seule...
- Oh ! pas ici !
- Où vous *voudrez*. [6, с.489]

Опираясь на контекст, мы можем определить не только репрезентируемый глагол (*revoir*), но и отношение говорящего к собеседнику / ситуации. Таким образом, можно сделать вывод, что анафорические глаголы не только являются средством варьирования текста, но и выполняют стилистическую функцию в художественных произведениях.

Благодаря широкому объему значений, которые могут отражать анафорические глаголы, они зачастую употребляются в эллиптических конструкциях:

- Pourquoi ne vas-tu pas chez nous ?
- Je ne *veux* pas.

Модальные глаголы *vouloir* и *pouvoir* являются одними из самых распространенных анафорических глаголов, используемых в устной речи, так как они не несут полной информации о совершаемом действии.

Глагол *faire*, вследствие своего широкого семантического объема, является служебным глаголом-заместителем, также называемым *pro-verbe* или *verbe-vicaire* [1, с.140]. В качестве анафорического глагола он может быть употреблен с качественными наречиями (*autrement*, *tellement*, и т.д.), указательными местоимениями *cela / ce / ça*, а также с конструкциями “*ne...que*”, “*qu’est-ce que...que*”, “*quoi que*”.

Традиционно анафорические глаголы классифицируют в зависимости от аспекта идентифицируемого действия:

- a) глаголы фазы действия (*commencer* - начинать, *finir* - заканчивать, *continuer* - продолжать);
- b) осуществимость (*parvenir* - достигать, *éviter* - избегать);
- c) идентичность (*imiter* - подражать, *reprendre* - возвратиться);
- d) отношение к действию (*insister* - настаивать, *s’obstiner* - упорствовать, *obéir* - подчиняться, *refuser* - отказаться, etc).

Стоит отметить, что анафорические глаголы, не имеющие постоянного референта, распространены во французском языке, и их количество нельзя точно подсчитать. С развитием языка семантические характеристики глаголов подвергаются изменению. В зависимости от авторской задумки глагол может приобрести новую характеристику, которая актуальна только в конкретном лексическом окружении. Такие глаголы, как *s’arrêter* (*остановиться*) и *suivre* (*следовать*), могут получить дополнительный смысловой оттенок. Изначально оба эти глагола связаны с понятием движения. В определенном контексте глагол *arrêter* может означать прекращение любого действия. Примером может служить следующее выражение:

– *Bon, ça va, arrêtez-vous.*

Эта фраза может иметь два значения: 1) Ладно, хватит, остановись (как просьба прекратить движение);

2) Ладно, хватит, прекрати (остановить какую-либо деятельность).

При втором переводе значение глагола можно установить только в контексте ситуации, следовательно, он может быть репрезентантом любого другого глагола.

Подводя итог, назовем основные функции анафорических глаголов во французском языке:

- 1) Обеспечение семантических связей элементов устной и письменной речи.
- 2) Придание динамичности повествованию в художественном произведении, повышение выразительности текста.
- 3) Присвоение новых характеристик описываемому действию и сообщение новой информации через контекст.

Правильная идентификация значения анафорических глаголов играет большую роль в понимании текста в целом. Употребление анафорических глагольных конструкций отражает специфику репрезентации глаголов во французском языке.

Список литературы:

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
2. Киселев Д.А. Реализация глагольной анафоры в тексте (на материале французского языка): Автореф. дис. канд. фил.наук. – Самарканд, 2012. – 27 с.
3. Киселев Д.А. Антиципация анафорических глаголов во французском языке // Вестник Челябинского гос. университета. – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/antitsipatsiya-anaforicheskikh-glagolov-vo-frantsuzskom-yazyke-sintaksicheskij-aspekt-1> (Дата обращения 22.06.2017).
4. Куприна Т.В. Анафорические глаголы как одно из средств глагольной репрезентации во французском языке // Иностранные языки в школе. – 1977. – Выпуск 12. – С. 99 – 105.
5. Моруа А. Карьера и другие новеллы: Книга для чтения на французском языке. – СПб.: КАРО, 2014. – 256 с.
6. Flobert G. Madame Bovary. – Paris, Librairie de France, 1929. – 904 p.

3.3. РУССКИЙ ЯЗЫК

СКАЗУЕМЫЕ-РЕАКЦИИ ПРИ ПОДЛЕЖАЩИХ-СТИМУЛАХ ДЕРЕВО/ДЕРЕВЬЯ/ДВА ДЕРЕВА

Букаренко Светлана Григорьевна

*д-р филол. наук, доц.,
Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО,
«Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
РФ, г. Таганрог*

PREDICATES-RESPONSES FOR SUBJECTS-STIMULI A TREE/ TREES/ TWO TREES

Svetlana Bukarenko

*doctor in Philology, Associate Professor
of Taganrog Institute named after A.P. Chekhov,
Affiliate of Rostov State University of Economics,
Russia, Taganrog*

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант
№ 15-04-00057)*

Аннотация. В статье показаны возможности в исследовании имплицитной сочетаемости главных членов предложения, которые открывает применение метода направленного ассоциативного эксперимента, позволяющего благодаря мгновенной реакции респондентов выявить наиболее прочно сохраняемые в языковой памяти связи.

Abstract. The article demonstrates the capabilities in the study of combinability of the main parts of the sentence, which discovers the application of the method of directed associative experiment allowing detecting the strongest relations in the linguistic memory due to the instantaneous response of the interviewees.

Ключевые слова: подлежащее; сказуемое; ассоциативный эксперимент; число; имплицитная сочетаемость; лингвистическая статистика.

Keywords: subject; predicate; associative experiment, quantity; implicit combination; linguistic statistics.

В исследовании имплицитной сочетаемости главных членов предложения неопределимую помощь оказывает материал, полученный методом направленного ассоциативного эксперимента [1, 2, 5], поскольку он позволяет, меняя стимулы-подлежащие, наблюдать, какие изменения происходят при этом в сочетающемся с ним сказуемом, причём в условиях отсутствия влияния контекста. Применение лингвистической статистики способствует установлению степени стереотипности полученной сочетаемости.

В предлагаемой статье описываются результаты направленного ассоциативного эксперимента, в котором в качестве стимулов-подлежащих (далее в определённых случаях П) предлагались наиболее употребительные способы отражения в языке количества [8]: форма единственного числа (П *Дерево*), форма множественного числа (П *Деревья*), форма словосочетания с числительным (П *Два дерева*). К этим стимулам-подлежащим трём изолированным группам студентов-филологов было предложено написать первое мгновенно пришедшее в голову сказуемое (каждой группе был дан только один из перечисленных стимулов, чтобы избежать их взаимовлияния). Полученные результаты были обработаны для получения традиционной для ассоциативных словарей подачи их по нисходящей частотности [4, 6, 7 и др.] и в сокращённом варианте представлены далее:

Дерево растёт 31 (49,2 %) || стоит 7 (11,1) || цветёт 4 (6,3) || выросло 2 (3,2), горит 2(3,2), сгорело 2(3,2), упало 2(3,2) || большое 1 (1,6), засохло 1(1,6), зеленеет 1(1,6), зелёное 1(1,6), качается 1(1,6), падает 1(1,6), постарело 1(1,6), принялось 1(1,6), распустилось 1(1,6), росло 1(1,6), спилено 1(1,6) ... цветущее 1 (1,6) = 63 (100,0).

Деревья растут 28 (14,1 %) || стоят 22 (11,1) || шумят 13 (6,6) || зелёные 11 (5,6) || цветут 10 (5,1) || гнутся 9 (4,5) || срублены 7 (3,5) || качаются 6 (3,0) || зеленеют 5 (2,5) || гнулись 4 (2,0), зацвели 4(2,0), колышутся 4 (2,0), расцвели 4(2,0) || голые 3 (1,5), опали 3(1,5), падают 3(1,5), упали 3(1,5) || высохли 2 (1,0), засохли 2(1,0), зашумели 2(1,0), облетели 2(1,0), оголились 2(1,0), падают 2(1,0), погнулись 2(1,0), пожелтели 2(1,0), посажены 2(1,0), распустились 2(1,0), спилены 2(1,0), шатаются 2(1,0), шевелятся 2(1,0) || 0 (в снегу) 1 (0,5) ... шелестят 1(0,5) || = 198 (100,0).

Два дерева растут 8 (15,1 %) || выросли 7 (13,2) || росли 4 (7,5), срослись 4(7,5), стоят 4(7,5) || 0 (рядом) 3 (5,7), сплелись 3(5,7), упали 3(5,7) || цветут 2 (3,8) || вырастили 1 (1,9), выращены 1(1,9), высились 1(1,9), высохли 1(1,9), зашумели 1(1,9), лежат 1(1,9),

пожелтели 1(1,9), покосились 1(1,9), прижались 1(1,9), сгорело 1(1,9) ...упали (во время ветра) 1(1,9) || = 53 (100,0).

Влияние особенностей стимула-подлежащего на вероятность сочетаемости с ним реакции-сказуемого. Вероятность сочетаемости главных членов предложения оценивается по отказам от ответа-реакции и по ошибочным ответам.

Отказы, связанные с отсутствием требуемой по условиям эксперимента реакции, отсутствуют при П *Дерево*, при остальных подлежащих-стимулах единичны: при П *Деревья* 1 случай, при П *Два дерева* 1 случай.

Как показали данные эксперимента, при мгновенной реакции, несмотря на установку считать заданный стимул подлежащим и приписывать к нему сказуемое, всё равно в единичных случаях происходит переосмысление стимула-подлежащего в дополнение. Об этом свидетельствуют следующие зафиксированные ошибочные реакции: При стимуле *Дерево*: *посадили 1, *срубили 1, *спилили = 3 случая; при стимуле *Деревья*: *срубили 2, *посадили 1, *выжгли 1, *валят 1, *пилят 1, *рубят 1 = 7 случаев; при стимуле *Два дерева*: *срубили 2, *посадили 1, *спилили 1 = 4 случая и один случай употребления существительного *гамак 1 = 5.

Следовательно, переосмысление стимулов в функции дополнения позволяет предположить, что функция подлежащего для рассматриваемых способов выражения, включающих слово *дерево*, не является абсолютно идеальной для всех носителей русского языка, хотя и приближается к ней, судя по незначительному количеству отказов и ошибочных ответов.

Влияние особенностей стимула-подлежащего на степень стереотипности сочетающейся с ним реакции-сказуемого. Степень стереотипности определяется по максимально доминирующему сказуемому, который возглавляет частотную последовательность при каждом подлежащем-стимуле (см. последовательности выше). Сопоставление вершинных по частотности сказуемых-реакций показывает, что наибольшая стереотипность свойственна сочетанию главных членов предложения *Дерево растёт* 49,2 %, что более чем в три раза выше стереотипности остальных рассматриваемых сочетаний; ср.: *Деревья растут* 14,1 % → *Два дерева растут* 15,1 % → *Дерево растёт* 49,2 %. Так в данном случае проявляются градационный тип оппозиции [9].

Показателем стереотипности является также количество единичных реакций-сказуемых. По возрастанию этих реакций-сказуемых последовательность такова: при П *Деревья* 16,7 % → при П *Дерево* 20,6 % →

при П *Два дерева* 28,3. Между максимумом и минимумом расхождение не является весьма значительным – в 1,7 раза.

Влияние особенностей стимула-подлежащего на тип сочетающегося с ним сказуемого. Количество глагольных сказуемых при рассматриваемых подлежащих различается незначительно: П *Деревья* 81,8 → П *Дерево* 93,7 → П *Два дерева* 94,3. Количество именных сказуемых существенно меньше по сравнению с количеством глагольных сказуемых: П *Два дерева* 5,7 % → П *Дерево* 6,3 % → П *Деревья* 18,2 %. Обращает на себя внимания то, что количество именных сказуемых при П *Деревья*, т. е. при форме множественного числа, почти в 3 раза превышает количество этих сказуемых при остальных подлежащих-стимулах.

Влияние особенностей стимула-подлежащего на вид сочетающегося с ним глагола-сказуемого. Количество глаголов-сказуемых несовершенного вида по убывающей располагаются следующим образом: П *Два дерева* 43,4 % → П *Деревья* 62,1 % → П *Дерево* 77,8 %. Соответственно последовательность, свойственная совершенному виду, противоположно направлена: П *Дерево* 15,9 % → П *Деревья* 19,7 % → П *Два дерева* 50,9 %.

Влияние особенностей стимула-подлежащего на наклонение и время сочетающегося с ним глагола-сказуемого. Глаголы-сказуемые в форме сослагательного и повелительного наклонения отсутствуют при всех рассматриваемых подлежащих-стимулах. Таким образом, все использованные глаголы-сказуемые имеют форму изъявительного наклонения (см. выше глагольные сказуемые).

Глаголы-сказуемые в форме настоящего времени по количеству употребления выстраиваются в следующей последовательности: П *Два дерева* 34,0 % → П *Деревья* 58,6 % → П *Дерево* 74,6 %. Как видно, глаголы-сказуемые в форме настоящего времени доминируют при П *Дерево*, т. е. при существительном-подлежащем в форме единственного числа.

Глаголы-сказуемые в форме прошедшего времени почти в 3 раза употребляются чаще при П-словосочетании *Два дерева* по сравнению с остальными рассматриваемыми способами выражения подлежащего-стимула, не различаясь существенно при П *Дерево* и П *Деревья*; ср.: П *Дерево* 19,0 % → *Деревья* 22,7 % → *Два дерева* 60,4 %. В формах прошедшего времени весьма редко используются формы несовершенного вида (П *Дерево* 3,2 % → *Деревья* 3,5 % → *Два дерева* 9,4 %). Поэтому существенные различия в прошедшем времени связаны в принципе с формами совершенного вида (П *Дерево* 15,9 % → П *Деревья* 19,2 % → П *Два дерева* 50,9 %, что превышает минимальное количество более чем в 3 раза.

Глаголы-сказуемые в форме будущего времени отсутствуют при всех рассматриваемых подлежащих.

Влияние особенностей стимула-подлежащего на наличие/отсутствие -ся у сочетающегося с ним глагола-сказуемого. По возрастанию количества глаголов-сказуемых с без -ся выстраивается следующая последовательность, завершающаяся существительным-П в форме единственного числа: П *Дерева* 61,6 % → П *Два дерева* 73,6 % → П *Дерево* 88,9 %. С -ся последовательность, естественно, имеет противоположную направленность:

Дерево 4,8 % → П *Два дерева* 20,8 % → П *Дерева* 20,2 %.

Влияние особенностей стимула-подлежащего на наличие/отсутствие не у глагола-сказуемого. Ни один из рассматриваемых стимулов-подлежащих не обусловил сочетаемость с ними глаголов-сказуемых с отрицательной частицей *не*. Следовательно, все глаголы-сказуемые без *не* полностью совпадают с уже отмеченной последовательностью глагольных сказуемых: П *Дерево* 74,6 % → П *Дерева* 81,8 % → П *Два дерева* 94,3 %. Это означает, что изменение представления количества с помощью рассматриваемых форм выражения подлежащего совершенно не влияет на сочетаемость с ними глаголов-сказуемых с *не*.

Влияние особенностей стимула-подлежащего на связку и присвязочную часть сочетающегося с ним составного именного сказуемого.

Как уже было сказано, составное именное сказуемое примерно одинаково употребляется при П *Дерево* (6,3 %) и при П *Два дерева* (5,7 %), но почти в 3 раза чаще при П *Дерева* (18,2 %). Связки во всех случаях имеют форму изъявительного наклонения и настоящего времени, т. е. являются нулевыми.

На них, следовательно, рассматриваемые изменения выражения подлежащего влияния не оказывают. В зависимости от стимула-подлежащего в присвязочной части используется разный объём частей речи: при П *Дерево* и П *Дерева* – две (прилагательное и причастие), при П *Два дерева* – только одна (причастие). Распределение указанных частей по частотности употребления при каждом П-стимуле следующее: 1) прилагательное: П *Два дерева* 0,0 % → П *Дерево* 3,2 % → П *Дерева* 10,6 %; 2) причастие (только страдательное прошедшего времени краткой формы): П *Дерево* 3,2 % → П *Два дерева* 5,7 % → П *Дерева* 7,6 %.

Полученные результаты направленного ассоциативного эксперимента в дальнейшем важно сопоставить с данными свободного эксперимента, описанными Ю.Н. Карауловым в «Ассоциативной грамматике русского языка» [3].

Список литературы:

1. Белянин В.П. Психоллингвистика. М.: Флинта: МПСИ, 2003. 232 с.
2. Букаренко С.Г. Отражение фрагментов русской языковой картины мира в предикативных стереотипных сочетаниях. М.: МГОУ, 2009. 350 с.
3. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Изд-ство ЛКИ, 2010. 328 с.
4. Русский ассоциативный словарь. В 2 тт. / Ю.Д. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: АСТ, 2002. 784 с.
5. Серкин В.П. Методы психоллингвистики. М.: Аспект Пресс. 2004. 207 с.
6. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М.: Мин-во обр. и науки РФ, МГЛУ, ИЯ, 2004. 800 с.
7. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: МГУ, 1977. 192 с.
8. Степаненко С.Н. Когнитивные механизмы лексической концептуализации количества в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 1 (31) 2014. Ч. 1. Тамбов, 2014. С.167-168.
9. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.

3.4. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

ТРАКТОВКА ТЕРМИНА «САКРАЛЬНОЕ» В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ УЧЁНЫХ

Лебедева Надежда Анатольевна

*д-р философии в области культурологии,
действительный член Евразийской Академии Телевидения и Радио,
проф. философии Международной Кадровой Академии,
Украина, г. Киев*

THE INTERPRETATION OF THE TERM "SACRAL" IN THE WORKS OF MODERN UKRAINIAN SCIENTISTS

Nadezhda Lebedeva

*doctor of philosophy in the field of Cultural Studies,
authorized member of Eurasian Academy of Television and Radio,
Professor of philosophy of International Personnel Academy,
Ukraine, Kiev*

Аннотация: В статье рассматриваются современные трактовки термина "сакральное" в трудах украинских учёных. В результате анализа современных научных источников сделан вывод о существовании диалектического контекста в сущности термина "сакральное" сквозь призму его понимания в процессе развития культуры.

Abstract: The article is dedicated to modern interpretations of the term "sacral" in the works of Ukrainian scientists. As a result of the analysis of modern scientific sources, a conclusion has been made about the existence of a dialectical context in the essence of the term "sacral" through the prism of its understanding in the process of cultural development.

Ключевые слова: философское, природа, диалектика, сакральное, культура, священное, универсальное.

Keywords: philosophical, nature, dialectics, sacred, culture, universal.

Сакральное, если обратиться к Большой современной энциклопедии, "от англ. Sacral и лат. Sacrum - священное, посвященное богам – все, что имеет отношение к божественному, религиозному, небесному,

потустороннему, иррациональному, мистическому и отличное от обыденных вещей, понятий и явлений. Сакральные объекты имеют как материальное, так и духовное измерение, связанное с Высшим миром, а сакральное искусство воплощает идеи и образы божественного" [1, с. 334].

Владимир Шелюто обращает внимание на важность раскрытия проблемы определения этимологии самого термина. "Слово "сакральное" имеет индоевропейский корень sak-, выражающий наиболее интенсивное присутствие в своей наиболее полной форме. Под сакральным у древних ариев понималось соответствие космоса, фундаментальная структура вещей, имеющаяся реальность. Это та реальность, на основе которой жрецы ведической религии стремились построить общество" [7, с. 96]. Итак, наблюдаем наличие качественных характеристик, которые отражены в лингвистической форме и, по мнению ученого, в древнем индоевропейском мышлении, основой которого было сакральное, в котором, в свою очередь, существует любая реальность. Именно в сакральном существовала реальность первобытных и древних обществ - некая демонстрация их величия. "В латинском языке появилось понятие *sacrum* - священное дело, действие. Этот термин возник еще в языческие времена. В свою очередь, слово *sacrum* восходит к латинскому слову *sacer*, которое во времена римского язычества означало "посвященное богам", "священное" [7, с. 96].

Украинский ученый Владимир Валерьевич Токман в научном исследовании "Феномен священного: его сущность и мировоззренческая природа" раскрыл сущностные признаки феномена священного и показал его мировоззренческую природу и значимость для жизнедеятельности человеческого сообщества. Учёный выявил смысловой горизонт термина "священное", его статус как категориальной формы и исследовал соотношение между понятиями "святое", "сакральное", "священное". Соображения по поводу полисемии определения "священное" приводит его к мысли о том, что этот термин "неограниченный одним лексическим значением, а охватывает широкий смысловой диапазон" [5, с. 7-8]. В одних случаях понятие "священное" характеризует сферу божественного и демонического, где мы можем наблюдать проявление основного закона диалектики, "в других – касается предметов, практических действий, норм и правил ритуально-обрядового назначения как средства связи с Богом, духовными существами, а также тех чувств человека, которые возникают в результате переживания чего-то скрытого, тайного" [5, с. 7-8]. Таким образом, очевиден закон взаимного перехода количественных изменений в качественные.

Что же касается терминологического ряда "свято-священное сакральное", то, по мнению В.В. Токмана, его составляющие успешно применяются для характеристики некоторых аспектов религиозного феномена. Украинский ученый замечает, что латиноязычная лингвистическая форма "сакральное" является аналогом славянского термина "священное", а потому лингвистически различать их нет смысла. "Разница в смысловых нюансах имеет место между "святым" и "священным" ("сакральным"), и приобретает она особое значение в рамках христианской лингворелигиозной традиции" [5, с. 8].

Упомянутые выше значения употребляются преимущественно для отображения иерархических степеней святости. Присущее каждому из них стилистическое оформление позволяет расширить поле их применения. "Согласно религии Христа, одно дело - глубокое внутреннее переживание встречи с Богом, а другое - чисто внешнее исполнение ритуально-обрядовых действий. Это отличие, которое христианство провело между сферой истинного благочестия и сферой всего причастного к культу, получило соответствующее терминологическое закрепление и оказалась в том, что в первом случае во многих европейских языках пользуются как раз термином "святое", а во втором - "священное" [5, с. 8].

Вернемся к наблюдениям украинского кандидата философских наук В.М. Шелюто. Он пишет: "В глубокой древности sacer имело негативный смысл. Оно понималось как "запрещено", "проклятое", "гнусное". То есть еще в языческие времена сакральное имело два противоположных по смыслу понимания" [7, с. 96].

Таким образом, очевидно существование противоположных сторон явлений в составе одного лингвистического термина. Двойственный смысл понимания слова "сакральное", по утверждению ученого, свидетельствует о различных временных пластах в плане понимания сакрального. "На раннем этапе истории сакральное трактовалось преимущественно в негативном смысле. Оно было прежде всего связано с эмоциями страха и отвращения. На более позднем этапе истории акцент делается на трактовке сакрального в положительном смысле. Сакральное рассматривается как священное, чистое, посвященное богам" [7, с. 96]. В контексте нашего исследования важно замечание В.М. Шелюто о том, что понятие *sacrum* трансформировалось и перешло к христианской религиозной парадигме. В мировоззрении Христианства понятие *sacrum* стало характеризовать церковные таинства, объекты религиозного поклонения, вещи, которые принадлежат к религиозному культу, а также все то, что согласно учению церкви наделено Божьей благодатью. Затем возникло еще одно слово, обозначающее сакральное в христианской религии -

слово *sanctus*, которым в латинском языке принято называть святой дух - *spiritus sanctus* [7, с. 96].

Леонид Выговский в работе "Религия как общественно-функционирующий феномен" определяет вес сакрального через религиозную призму. По утверждению ученого, религия имеет непосредственное отношение к духовным ценностям и может самостоятельно выступать в качестве специфической ценностной системы. При этом она удваивает мир и позволяет сформировать новое бытие – мир бытия потустороннего, которое имеет трансцендентный характер. "Поэтому в основе системы религиозных ценностей лежит разделение мира на сакральное (священное) и профанное (мирское). Сакральное возникает универсальным явлением, поскольку выходит за пределы трансцендентного и может проявляться в различных сферах повседневной жизни. Но в религии оно формирует ощущение зависимости человеческого бытия от священного и ориентирует на деятельность по его достижению. Поэтому в большинстве конфессий высшей ценностью провозглашается Бог" [2, с. 34].

Подводя итог обзора трудов современных украинских учёных, можем сделать вывод о том, что в сущности самого термина "сакральное" заключены основные диалектические законы, подтверждаемые наличием качественных характеристик лингвистической формы, переходом смысловых количественных изменений в качественные, а также наличие противоположных смысловых явлений.

Список литературы:

1. Велика сучасна енциклопедія. У 10 т. Т. 8. П-С / уклад. А.С. Івченко. - Харків : Книжковий Клуб "Клуб Сімейного Дозвілля", 2013. - 352 с.
2. Выговський Л.А. Релігія як суспільно-функціонуючий феномен: дис. ... автореф. д-ра філос. наук: спец. 09.00.11 «Релігієзнавство» / Леонід Антонович Выговський. – К., 2005. – 34 с.
3. Матвеева Л.Л. Культурология. – К.: Либідь, 2005. – 512 с.
4. Петрушенко В.Л. Філософський словник : терміни, персоналії, сентенції / В.Л. Петрушенко. – Львів : "Магнолія 2006", 2011. – 352 с.
5. Токман В.В. Феномен священного: Його сутність і світоглядна природа: автореф. дис. на здобуття наук ступеня канд. філос. наук: спец. 09.00.11 «Релігієзнавство» / Володимир Валерійович Токман. – К., 2001. – 13 с.
6. Хамітов Н., Гармаш Л., Крилова С. Історія філософії: проблема людини та її меж. Вступ до філософської антропології як метаантропології. – К.: КНТ, 2015. – 396 с.
7. Шелото В.М. Проблема сакрального як світоглядна проблема / В.М. Шелото // Наука. Релігія. Суспільство. - № 4. – 2010. - С. 94–101.

3.5. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ОБРАЗЫ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НОСИТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ

Лупанова Екатерина Вячеславовна

*адъюнкт, Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации,
РФ, г. Москва*

IMAGES OF SMALL ARMS IN ENGLISH-SPEAKERS' LANGUAGE WORLD PICTURE REFLECTED IN MILITARY PHRASEOLOGICAL UNITS

Ekaterina Lupanova

*adjunct,
Military university of the Russian Federation Defense ministry, Russia,
Moscow*

Аннотация. Статья посвящена исследованию образной основы фразеологических единиц военной тематики, компонентами которых выступают различные типы огнестрельного оружия. Подвергнув анализу содержание лексикографических источников, автор обнаруживает, что символический смысл устойчивых оборотов возникает вследствие переосмысления функциональных особенностей, признаков и свойств оружия и используется представителем этноса в процессе понимания явлений окружающей действительности. Автор приходит к выводу, что к представлениям, возникающим в сознании носителя языка при употреблении в речи фразеологических единиц, относятся образы различных видов оружия как символов начала и прекращения ведения боевых действий, насилия, борьбы за нравственные идеалы, справедливости и правосудия.

Abstract. The article is devoted to analysis of images of military phraseological units having as components various types of small arms.

After studying the content of lexicographic sources, the author finds out that the symbolic meaning of idioms arises from the rethinking of functional features, characteristics and properties of weapon and is used by the ethnic group representative while understanding the phenomena of reality. The author comes to the conclusion that images arising in the minds of native speakers include ideas about different types of firearms as symbols of beginning and cessation of warfare, violence, struggle for moral ideals, justice and fairness.

Ключевые слова: фразеологизм, образ, символ.

Keywords: phraseological unit, image, symbol.

Мировоззрение формируется на основе эмоционального отношения человека к предметам окружающего мира, которые приобретают в его сознании символическое значение, вследствие чего мир вещей переходит в духовную сферу в качестве особого языка и символика [3, с. 28–29].

Одной из крупнейших составляющих материального мира представителя военной субкультуры является оружие, которое представляет собой не просто часть физического мира вещей, но и отражает особенности морально-нравственных установок этноса. Фразеологизмы, имеющие в составе компонент-название определенного типа оружия, выступают в роли символов и воплощают в своей семантике культурные смыслы – ценностное содержание, которое вырабатывается в процессе становления и развития культуры этноса [2, с. 303].

Особое значение, культурный смысл, лежащий в основе фразеологизмов, образным основанием которых служат наименования оружия, воплощает символическую функцию устойчивых оборотов, охватывающую сферу значений, не ограниченную идеями разрушения или технологий убийства [1, с. 104]. Рассмотрим представления, связанные с различными видами оружия, возникающие в сознании членов армейского социума как части англо-американской культуры, путем анализа семантики фразеологических единиц.

Началом эры огнестрельного оружия в истории Европы и всего человечества стало изобретение пороха. Компонент *powder* служит основой ряда фразеологизмов в английском языке, в которых находит отражение трудоемкий процесс изобретения взрывчатой смеси и условия ее применения.

Одним из обязательных требований безопасности огнестрельного оружия является сохранение пороха сухим, что послужило основой для возникновения устойчивого оборота *keep one's powder dry*.

Фразеологизм представляет собой часть английской поговорки «*put your trust in God, and keep your powder dry*», что в русском языке эквивалентно выражению «на Бога надейся, а сам не плошай». Семантика поговорки уходит корнями во времена гражданской войны в Великобритании. Автором строк считается лидер Английской революции полководец Оливер Кромвель, который произнес вышеупомянутые слова в своем наставлении войскам перед битвой при Эджхилле в 1642 году [4, с. 229]. В реалиях современной жизни устойчивое выражение имеет значение «быть наготове, чачеку».

Фразеологическая единица *to waste powder and shot* вызывает у носителя представление о напрасно потраченном порохе и патроне, что считается недопустимым в условиях ведения боевых действий и имеет значение «тратить понапрасну силы». Образ первостепенной значимости разумного использования боеприпасов на поле боя лег в основу поговорки *not worth powder and shot* – игра не стоит свеч; овчинка выделки не стоит.

В конце XVII – начале XVIII вв. в состав армий Европы была введена артиллерия, признанная особым родом войск и с тех пор получившая возможность к быстрому развитию. Компонент *cannon* входит в состав фразеологизма *to cannon against smb.*, апеллирующем в сознании к образу пушки как мощном артиллерийском орудии, предназначенном для нанесения ударов по объектам противника и имеющим значение «столкнуться с кем-либо».

Наибольшее количество фразеологических единиц, вызывающих представления об огнестрельном оружии, имеют в качестве опорного слова компонент *gun*. В образном основании ряда фразеологических единиц лежит знание о высокой скорости стрельбы артиллерийского орудия. Вербализация этого представления осуществляется в англо-американской лингвокультуре в следующих ФЭ: *to jump (to beat) the gun* – преждевременно стартовать; опережать события; *to cut the gun* – сбросить газ, сбросить скорость; *to give her the gun* – звать всю (автомашину); мор. дать самый полный ход.

В основе фразеологических единиц, имеющих в своем составе компонент *gun*, лежит представление об огнестрельном оружии как, прежде всего, мощном и незаменимом на поле боя средстве уничтожения противника: *great guns!* – чёрт возьми!, вот те на!, вот так так!; *son of a gun* – мошенник, негодник; *to go great guns* – идти под барабанный бой; быть в полной парадной форме; добиться успеха; ≅ быть на гребне успеха, быть на коне.

Образ оружия как символа противостояния заключен в семантике фразеологизма *to stick to one's guns (stand by one's guns)*, в котором представление о недопустимости оставления артиллерийских орудий

в бою воплощается в переосмысленном значении устойчивого оборота «не сдавать позиций, держаться стойко; остаться до конца верным своим убеждениям и принципам; настоять на своём, выдержать характер».

Главной функцией оружия служит агрессивное воздействие на человека с целью его физического или морального подавления, что находит отражение в фразеологических единицах, имеющих в составе компоненты *shotgun* и *pistol*: *shotgun marriage* – вынужденная женитьба; брак поневоле, вынужденный союз; *to ride shotgun* – преим. амер. охранять в пути (кого-л., что-л.); шутл. сидеть рядом с водителем (автомобиля); *to hold (to put) a pistol to smb.'s head* – приставить кому-л. пистолет к виску; *поставить кого-л. в безвыходное положение; ≅ приставить нож к горлу.*

Составным элементом ручного огнестрельного оружия, приводящим в действие его спусковой механизм, является курок. Компонент *trigger*, входящий в состав ряда английских фразеологизмов, содержит культурный смысл, связанный с быстротой стрельбы и высокой скоростью вылета снарядов из канала ствола орудия: *a finger on the trigger* – готовность к немедленным военным действиям; *easy on the trigger* – амер. вспыльчивый, легко возбудимый; *quick on the trigger* – импульсивный, быстро реагирующий.

Основой для возникновения большого количества фразеологизмов послужили названия боеприпасов и взрывных устройств. Опорным словом ряда устойчивых оборотов служит существительное *bomb*: *to throw a bomb* – вызвать сенсацию /переполох; *cost a bomb* – стоить кучу денег; *blonde bombshell* – сногшибательная блондинка; *bombshell effect* – впечатление разорвавшейся бомбы; *bombshell sackings* – внезапные увольнения; *drop a bombshell* – выпустить на свет сенсацию, наделать переполох. Во внутренней форме каждого из названных фразеологизмов закрепилось представление об эффекте, возникающем от взрыва артиллерийского снаряда.

Другой вид поражающего элемента стрелкового оружия – пуля – представляет собой компонент ряда фразеологических единиц, отражающих специфику мировосприятия представителей англо-американского этноса. Устойчивое выражение *stop a bullet*, имеющее значение «получить пулевое ранение, быть убитым», относится к разговорным фразеологическим единицам, имеет оттенок грубости и цинизма, свойственных речи военнослужащих в тяжелых условиях ведения боевых действий.

Образ пули заключен во внутренней форме фразеологизма *to bite (on) the bullet*. Устойчивый оборот имеет значение «стиснуть зубы,

крепиться, терпеть боль, горе» и этимологически уходит корнями во времена, когда из-за отсутствия анестезии пациенты, переносящие хирургическое вмешательство, закусывали зубами пулю, чтобы справиться с нестерпимой болью.

Фразеологизмы, содержащие компонент *bullet*, входят и в состав паремиологического фонда английского языка. В образном основании пословицы *every bullet has its billet*, имеющей значение «от судьбы не уйдешь; пуля виноватого найдет», лежит представление о том, что каждая пуля в конечном итоге попадает в какой-то объект. Метафора, заложенная в семантике ФЕ, уподобляет произведенный из оружия выстрел характеру неотвратимости судьбы и неизбежности определенных событий в жизни человека.

Подводя итог, следует отметить, что анализ образов фразеологических единиц английского языка позволяет выявить широкий спектр представлений, связанных с различными типами огнестрельного оружия. Символический смысл устойчивых оборотов, имеющих в составе компонент, именуемый определенным видом оружия, возникает вследствие переосмысления функциональных особенностей, признаков и свойств оружия и используется представителем этноса в процессе понимания явлений окружающей действительности. К представлениям, возникающим в сознании носителя языка при употреблении в речи фразеологических единиц, относятся образы различных видов оружия как символов начала и прекращения ведения боевых действий, насилия, борьбы за нравственные идеалы, справедливости и правосудия.

Список литературы:

1. Дукальская И.В. Семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «Артефакты»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Самара, 2009, – 171 с.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
3. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995. – 624 с.
4. Manser M.H. The facts on file dictionary of proverbs. - Infobase Publishing, 2007. – 499 p.

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

*Сборник статей по материалам VII международной заочной
научно-практической конференции*

№ 5 (7)
Июль 2017 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 27.07.17. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
127106, г. Москва, Гостиничный проезд, д. 6, корп. 2, офис 213
E-mail: philology@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3